

**...Пролив рассвет, застыла неподвижно
Стрела гусей, и слышен крыльев свист,
И слышно, как горит костер, и слышно,
Как медленно в лесах желтеет лист...**

(«Золото русской осени» смотрите на 4—7-й страницах.)

№ 18 (920) СЕНТЯБРЬ 1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

ПОЭЗИЯ

Иван БЕЛОУСОВ
Сахалин

Моя Россия

Мы эту землю кровью оросили —
Доныне красным всходит зелена.
Мы доныри твои, моя земля,
Мы ратники твои, моя Россия,
Тебя мы, задыхаясь, выносили
Не раз из пекла,
Тебя мы воскресили из огня,
Из пекла.

Вячеслав НАЗАРОВ
Красноярск

Желтый утенок

У самого края ада,
У самого берега Буга,
на острове,

затерянном
в цепком копыце болот,
в бетонных стенах казармы,
в тумбочке,

сдвинутой в угол,
двадцать вторые сутки
желтый утенок
новет.

Когда по тусклому небу
ползет расплавленное солнце
и мы

в сотый раз проходим
по трассе свервавшего пулю,
он прачется за кусками
солдатского
грубого хлеба,

и в этом упрямом мeste
ему не страшен патруль.
А ночью,

когда казарма
становится тихой и сонной
и от тупой усталости
стонут во сна друзья,

он ласково колет цекку
задормоним широким носом,
весело и доверчиво
блестят в темноте глаза...
Чей-то смешной подарок —
пушистый желтый утенок.

Осколок родного мира,
который теперь далек...
Он слышал,
как свистит пули.

Он видел,
как рвется мины.
Я с ним
проходил сквозь грохот

непроходимых дорог.
Он был для меня как совет,
как слово раненой Родины.
И, может быть,
лишь поэтому
я выжил в центре болот и гроз
я выжил. Я все-таки выжил
у самого края ада
и до родных созвездий
несколько дней
дoneso...

Николай КОНЕВ
Ханансия

Стихи о лесе

Неяркой белизною хмурость сдобря,
Стоят березы средь полей родных.
Они упруги и белы, как ребра,
И мое сердце гулко бьется в них.
Всем существом приятно с ними слиться
И чувствовать, как каждый лист растет.
У самых ног вспорхнут, как вспыхнет,
птица,
Костром в душе хорошее заклет.

Дожди пойдут осенние, косые,
Но это не печальна пора:
Горит костер во глубине России,
И все теплей от этого костра.
А кто-то хочет с лесом не родиться
И равнодушно средь берез идет...
У самых ног вспорхнут, как вспыхнет,
птица
И сразу чувства добрые заклет.

Семинар молодых писателей и поэтов в Чите — прямо скажем, выдающееся явление в литературной жизни России. От Якутска до Владивостока ширея на таланты земля наши снаряжала в путь своих поэтов и прозаиков, делющих первые шаги в литературе. Штурманы дальнего плавания и лесорубы, учителя и студенты, шахтеры и строители приехали в Читу. Так завязалась дружба писателей двух поколений — нерасторжимый союз, следствием которого будет, несомненно, появление в литературе новых имен. Союз этот тем более плодотворен, что он возник при взаимной инициативе известных писателей и поэтов и тех, кто пришел на семинар учиться, обсуждать свое будущее, честно и открыто решать, как жить и работать дальше. Необходимо отметить, что участники семинара не члены Союза писателей, хотя многие имеют издания, печатались в журналах. Одна из задач этой встречи — пригласить их в наш коллектив полноправными членами союза.

Нет, это семинар не затворнический, это отноше не кейное обсуждение узкокопечных дел. Ибо каждый день семинара начинался с небольшой аудиторной, чтобы затем выйти в залы рабочих клубов, на экраны телевизоров. На глазах всей групповой Сибири работал семинар, вовлекая в круг своих интересов десятки тысяч людей. Выступления на читательских конференциях, на литературных вечерах и диспутных приходах семинару и его молодым участникам огромную опору, а сам семинар стал замечательным явлением культурной жизни Забайкалья.

Трудно переоценить роль такой аудиторной для молодого писателя. Не только мастера слова, но и сама Сибирь пестовала и открывала новые имена, застрявший день своей многонациональной самобытной литературы.

Пользуясь случаем, выражаю комсомольскому журналу сердечную благодарность за превосставление своих страниц участникам семинара.

Хочется пожелать, чтобы и впредь поборные встречи проводились на столь же высоком уровне нашим Союзом писателей совместно с комсомолом.

Леоид СОБОЛЕВ,
председатель правления Союза писателей РСФСР

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-художественный
и ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

18 СЕНТЯБРЬ
1965 (220)

Год издания
второй
Выходит два
раза в месяц

ДОБРЫХ СЕДЦ

Геннадий ГОЛОВАТЫЙ

Чита

Роман СОЛПЦЕВ

Красноярск

Сердце Сибири

Тебе захотелось белого снега,
на лыжах съехать по снежному следу,
чтоб плечи ломало ветром взды!
И глухою И жаркой избы!
Поди, начитайся книг о Сибирь...
Тебе улыбнулся, Тебе посылки.
Приехала. Где же он, угол кондовый!!
Поселок сосновый с бессонной конторой.
Ребята в рыжках и алых кашне —
о Мавзолейской и о воеводе!
А ты, штурмовку навалила и валенки,
восходишь в столовую...
— Приезжала, бабоньки...
Попылки вокруг, открытоно мужские,
мохнатые очи, как алчные морские!
— Давай на камраду!
— Давай на рудник!
— Сожжем комарам...
— Спасем от родных...
— Тебе сегодня придется медведи
на тронах из красного злата и меди.
А утром на почте прическу попарыши
и десять конвертов претолстых отпаршиши.
И ветры займутся... Задуют метель...
И будут теряться, как слепки, недели...
Не раз напугают тебя сердце
снега,
слепые белыя Сибирь...

Но постепенно придет пора:
черные стены вокруг остра,
пород образцы мерцают у ног,
и спит — головою в ручье — молоток.
Оспелли! Оспелли!
Оспелли! Вышли!
Открыли алашское сердце Сибирь!
А злата — железное сердце Сибирь!
И эту руду не забыли!
А эту! Прозрачной, чей голос Сальвини!
Писателю: «Хрустальное сердце Сибирь!»
[Приманула и попользовалась мною, алаш,
как любим давать им такие названия!]

Но ты, засыпая в палатке одной
с нейтротой, счастливого ребятней,
ты знаешь, оставил газету в покое,
что все-таки сердце Сибирь нное,
какое-то доброе. И веселое.
Во всяком случае, не санцовое!
И будет ребята рядом дышать.
И будет, простишь, с летучею тучей,
духа топором золотым прорубить
лору песню в чаще дремучей!...

Евгений СИГАРЕВ

Камчатка

В конце пути

Нас вывели к фариатору
часы ночного бдения.
И шарит глаз локатора
По бухте Провиденция.
И стеклу принах скользкому
Примерзали сосны белые.
По створу Коассонольскому
Идем обледенелые.
Покрывает облаткою
Из олова, из стали льн,
Вода такая гладкая,
Как будто масла залили.

Крещенные авралами
И штурмами ледовыми,
Привычно, но устало мы
Колдуем над швартовками.
И с бака, с минных скатов льн
На огоньки у берега,
Как первооткрыватели,
Гладим глазами Беринга.
Молчим и курил сдержанно.
А сердце не укладывается:
Нам этот порт заснеженный
Морской столицей кажется.

Михаил АСЛАМОВ

Хабаровск

Окна мастеров

На искривленном каминном мысу,
Как на ступе сворочечья —
мастерская.
Не обидно, но и не ласка,
Она меня учила ремеслу.

И вот три смен — вдохновенно зной,
В руке ведра и рукава по льотку —
Смывала я окон
вековую копыт,
Одарила их голубиной.

И вечно было суровомерно в ней,
Как в бане той,
что топится по-черному.
Гляделось солнце в окна закопченные
Ночной не ярче слепицы своей.

И солнце,
солнце дивило все:
Оно вышло по чеху захорюло!
И токарей устали молодило
И с неохотой поинцало чех.

И было так нерадостно смотреть,
Как будто жизнь льня
эти окна застлели.
И, разозлясь, сказала я как-то
мастеру,
Что хорошо бы
она протереть
ремесло!

Так вышло. И считало: повелоз,
Что, начиная ремеслу учиться,
Я прежде
она высветила границей,
Чтоб с солнцем побраталось
ремесло!

Виктор СОЛОМАТОВ

Виробриджан

М е с т ь

Заурчал у зауряды ручей,
Раздобывший снежную жорку...
Я не знаю имен палачей,
Расстрелявших Гарсию Лорку.
Там в долине, среди жидких осин,
За деревней,

Отомстить за убитую песню
Можно только песней другой.
Наших замыслов стрелы
на месте,
Лыры гузат тугой дугой.
Пороз, моя песня, убийцу,
Хоронящегося в ночи.
Пусть отряпнет он от бойницы,
Сбитый сырчицей закричит!
Кем открыл я свой длинный чвет,
Чья затея разрушена зная...
Я такой саломонез еще,
Столько нужных имен не знаю.

И вы видел, какой сорин сын
Точно выцелля Павла Когана.
Почему-то история кирмля,
Кровью смыла имен их след.
Только два:
Дантес и Мартынов —
Мне известны со школьных лет.

А у нас в Забайкалье

А у нас в Забайкалье
ранней — алашновое!
Вы, небось, и не знаете,
что такое багуль.
Вы напрасно стараетесь
жизнь мне сделать малиново,
ис равны в одинжди
в Забайкалье сбегу.

Там над Белым Урюмом
заползает кристально
лозы, гибные, гибные...
И кушоны грустят...
Там весной на заре
небо чистое, чистое!
Перелетные птицы
как на праздник летят.

А леса там каиней!
Роднички да разноточник...
Бережик непролазный...
А орешник в горах!
Там с красным названием
Аксеново-Зилосовое
моя поселок рассыпался
на пять берегах.
Палсадники там
от черемулы лоятятся,
и над станицей виснет
тарелка луны.
И девчонки поют
так, что мучит бессонница...
И такая потом
настает тишина!

А стоять на мосту
деревянном, прошорканном,
слушать дождь,
следа переувлажненных огней...
Или в поле уйтн
к еле слышимым шорохам,
встретить грустных,
никого не хранимых коней...
А чуть свет пакутки
загнажалась особенно,
сном дудки местные
приветия и покаян...
И охотились-любители
на «молоток» собственном
с всом пропитан, на зависть
неохотничьим псам.
Солнце бросит лучи
в склоны сопки малиновое...
Если в раз вы увидели
на рассвете багуль...
Здесь бессильным мон
описание длинные,
просто я в Забайкалье
одинжди сбегу.

Чагыл МОРДИНОВ

Якутск

Песни весны

Поет Байнайд,
И ему подпевают
Весенние зори,
Что в небе пылают,
Дерева в траве,
И звери, и птицы.
И рыба, что в реках
на нерест стремится.
Слушай их песни!
Слушай их песни!
Жизни громадной
Великие вести!

Дорога к ребячьим душам лежит и через такие вот долгие разговоры.

День первый

Детская комната в 107-м отделении милиции маленькая. Два стола, телефон — вот и все обстановки. Порывшие от времени плакаты, большой пустой аквариум.

Прошло три часа работы. Никто не заглянул в дверь. Молчит на столе телефон. Мысли несуетные. С чего начинать? Переидаста списки «трупишек». О каждом немало бумаг исписано: и кражи, и драки, и чего тоакого нет! И все-таки не верится, что все они «колючие» люди. Даже за строкана жалоб соседей, разпортов дружинников проглядывают не такие уж плохие черты характера. Ну разве не замечательно, что призванный на ученье и в школе хулиган Стюван Ивкин заступился за девочку и здорово отколотило обидчика! Правда, «перусердствовал» — еда в колонии не понаа. Эту бы энергию да в нужное русло! Справлюсь ли!

— Справлюсь ли! — Люся не заметила, как повторила вслух.

— Обязательно справлюсь! — В дверях стола парец в клетчатой рубашке намылуск.

— Жорка!

Это был он. Сейчас она его еда узнала: ширококопый, загорелый, улыбка белозубая. А три года назад...

Жора Затеев

Первая встреча произошла тоже в детской комнате милиции. Она студентка второго курса филологического факультета Московского университета имени Ленина. Отличница. Пришла в отделение по поручению институтского комитета комсомола. Он в свои пятнадцать лет тоже был достаточно «образован»: знал вкус табака и водки, в руках его уже бывали незарботанные деньги; замасловата татуировка на груди; в карманах — игральные карты. В графе «Образование», судя по милицейским протоколам, уже три года подряд ставился один и те же префикс «—4».

«Еда кончался лекция, спешила во двор, к Затеевым. Она начинала серьезный разговор, а он ухитрился ее отскорить и уходил, торжествуя.

Участковый уполномоченный посоветовал:

— Брось. Поверь моему опыту, не будет толку из Затева. «Казенный дом» давно по нему плачет. Самшла: ведалеко, муж Москвит, работает любимый ученик Макаренко, бывший колонист Семен Карaban. Долго не могла решиться. Но другого выхода не видела. По-настоящему страх обузы, когда на станции сонна с электрички. Ну с того ни с сего воротався к чужому человеку! Калитку толкнула неуверенно.

Семен Афанасьевич внимательно выслаула ее. Предложил:

— Давайте чаю выпьем.

Вес, вечер говорил Люся про Жору. О своих неудач, об отчаянии, о его неверии в окружающия. Частенько заглауало.

Семен Афанасьевич пронокала до платформы. — Помните, Люся! Подоголка не столько академическая наука, сколько творчество. Штампов на все случаи нет. Единственным вам совет: влюбите в себя детей. Обязательно. С этого начинаа Антон Семенович Макаренко.

«На третий месяц милицейской службы к Людине пришла две женщины. Подорывався.

— Вы руководите детской комнатой? Так. Значит, с вашего разрешения у нас в подвале ЮДМ открыли!

Историю, которую повелаа разгневаные женщины, действительно была неприятной. Человек десять школьничков, главным образом те, которых называють «трудными», самовольно заняли подвальный помещение, в котором по Людской затее должен был открыт штаб юных работников милиции.

— Только вы одна к ним не приходите, — посоветовали посетительницы. — Возьмите с собой милиционеря.

Заглауна Жорка. Выслаува рассказ, сказаа: — Сам разберусь. Тебе пока там нечего делать.

— Двери скрипнула, но на Жорку внимания никто не обратил. Сквозь галауку забавы табачного дыма еда видны были лица ребят. В правом углу свалеено с подложкины пустых бутылка. На грязном полу — окурки. За столам четверо «режущия в домино». Возрут большарык.

— Привет товарищам юдемономцам!

В комнате стало тихо. Старице знаа Жорку, когда он еще был «на свободе», младше много самшла он не мен. Пронесся слух, что Жорка после

выхода из колонии «связався» и уехал куда-то на Север «наладить».

— Верно, ребята, завязал. Ко мне теперь с грязными руками не подходи. Шофер третьего класса Затева перед вами. Да вот еще успаа...

Жорка полез в карман, достал свернутую вет. веро бумагу. Стюванше блаже прочитала: «Сам. деятельность об окончании семи классов».

— Привет академикну. — К столу от двери продвинулся Глот. — Самшла об успехах твоих. Самшла, что с «мусором» связався, ступиша на нас. Ты молодчик мне только не порть, не первый день ранду. А мы что уши развесили! С агитатором этим я сам побеседуя. Неаеде.

— Зачем же наеде! Подождите, ребята. Ты, Глот, сейчас про «мусоров» говориа... А помниша, три года назад на очной ставке...

Очунаа Жорка — нет никого. Темнота. На опуду добрался до двери. Боаь в голове немволивия. Еда хватало сил подняться по лестнице.

В одиннадцатый вечера кто-то неуверенно посту чал в комнату. Вошеа один из «юдемоновцев» — Эдик Сахаров.

— Ну, чего встал в дверь! Проходи, гостем будеш.

Тот нерешительно помаясь, потом сел на стул. — Ребята посилаа. Узнать, как ты... Мы тебя не трогали. Это все Глот. Кастетом...

— Знаю.

Разговор явно не клеился. Эдик чумоа вокрут Да около, пока вдруг не спитрса в лоб:

— За что Глот тебя удариа!

— Нитуресушился!

— Не я, ребята.

— Ну и зови все сюда.

Через десять минут в комнате Жорки стаао тоско.

— И так взаимносердично друг Савлаа Глот поставила меня под удар, а сам ушел. Два года «та-нуль» срок по его милости. Спасибо ему за науку. Знаю теперь цену воровской дружбе. Вот он больше всего и боаясь, что мы об этом узнаеа.

А настоящий дружба совсем не такая...

И Жорка рассказала ребятам о Люсе. Как во-злась она с ним, а он считал ее своим врагом: не просто студентка — из милиции прислааа. Как поручиваа за него перед начальником отделения, когда было решено отравить его в лагерь.

Идет заседание совета ровесников.

Как из своей степидки выкраивала рубаш, чтобы купить подарок — мать давно уж этого не делала. Как поверла он ей и все же сорвался, подава. Слово в душу палочка.

Врут — письмо. Померк знакомый, Люсиин. Не ответа: стыдно было. Как-то в воскресенье кричит дежурный: «Затева! В двенадцать часов — свидание. Годня прибыла». Вошел и глазами не повернул: Люси! Из Москвы пришла...

— А где теперь эта Люси? — спросил кто-то после молчания.

— Вы ее все знаете — новый инспектор детской комиты Иванченко Людмила Ивановна.

Назавтра в отделение прибыла вся команда. Рапортовала Жора:

— Принимай, Люся, помощников. Не поведает. Ручаюсь за каждого.

Совершеннолетие

Лагерь назывался необычно: спортивно-трудовой. Это и нравилось ребятам и настоятельно одновременно. Те, кто должен был ехать, работать не любил. А лагерь был организован специально для «трудных». Люсе самой хотелось поехать туда поработать — не пускаться дела.

Самым: в «героях» ходил Виктор Продувалов. Авторитет его был непререкаем. Виктор мог легко мобилизовать отряд на самую трудную работу. И с той же легкостью сорвать любое ответственное задание. «Он сказал» — и пустыми словами становились приказы руководителя лагеря.

...В лагерь пришла вечером. Пошла прямо на совет командиров. На повестке дня всего один вопрос: как быть с Продуваловым! Два дня назад совет командиров решил: выгнать из лагеря. Возможность у него было сложное. Мать в отпуске, денег не оставила. Пока устроится на работу, пока заработает первую получку... А на что жить!

Думали на совете: как быть! С одной стороны, Виктора надо из лагеря убраться. С другой стороны, как его отправить в Москву неустрашенного, без копеек денег! Решила выдвинуть Виктору из лагерных запасов продукты на целый месяц, дать десятку на первые расходы, поручить Люсе Иванченко устроить его на работу.

— Ну что ж, — Витька взял привычный тон.

Благодарю за заботу. Не дасте сироте с голоду помереть. Оревар...

Продувалов не понадеялся больше двух месяцев. Знали только, что работает сагсарем в бане. И адрут пришла. Заговорила, как ни в чем не бывало, будто вчера простился:

— Людмила Ивановна, в пятницу мне восемнадцать исполнится. Если нечего будет делать, заходите.

— Два условия ты должен выполнить: во-первых, минимум спиртного, во-вторых, давай себе берем не дома, а в красном уголке ЖЖа.

...«Мужичины» бастовали большаи сорочками. Некоторые даже при «бачочках». Люся пришла с двумя поддугами.

Взятый напрокат хрусталь алаа вином. Люся встала.

— За начало настоящей жизни. Не возражаете! Возражений не было.

Девушки пели туристские, студенческие песни. Витька, неплохой музыкант, на слух подбирал мелодии. Остальные подтягивали.

Праздник закончился за полночь. Прощались новые знакомые сердечко.

— Ну как, доволен работой!

Витька не ответил.

— Ты вот что, приходи завтра. Что-нибудь придумаем.

Утром уборщица с удивлением разглядывала стоящие в углу нераскурюренные бутылки. Про них вчера как-то позабыл...

* * *

В детской комнате 107-го отделения милиции мы сидим уже три часа, а поговорить с Люсей никак не удается. Дверь ни на секунду не закрывается. Входит ее помощники, подшефные. У каждого не отложное дело. Вот целая группа девушек — студенток-первокурсниц химического факультета педагогического института. Сегодня они получают первое задание — за каждой закрепляется «трудный». Волнуются заметно. С чего начать!

— Главное, — структурирует Люся, — любите в себя детей.

У Людмилы Иванченко много помощников. Жена Сабин из 2-ого лебидицкого института приходит сюда почти ежедневно.

В. НАЗАРОВ, В. МИХАЙЛОВ

Фото В. МИШНИА

З О Л О Т О Р У С С К О Й

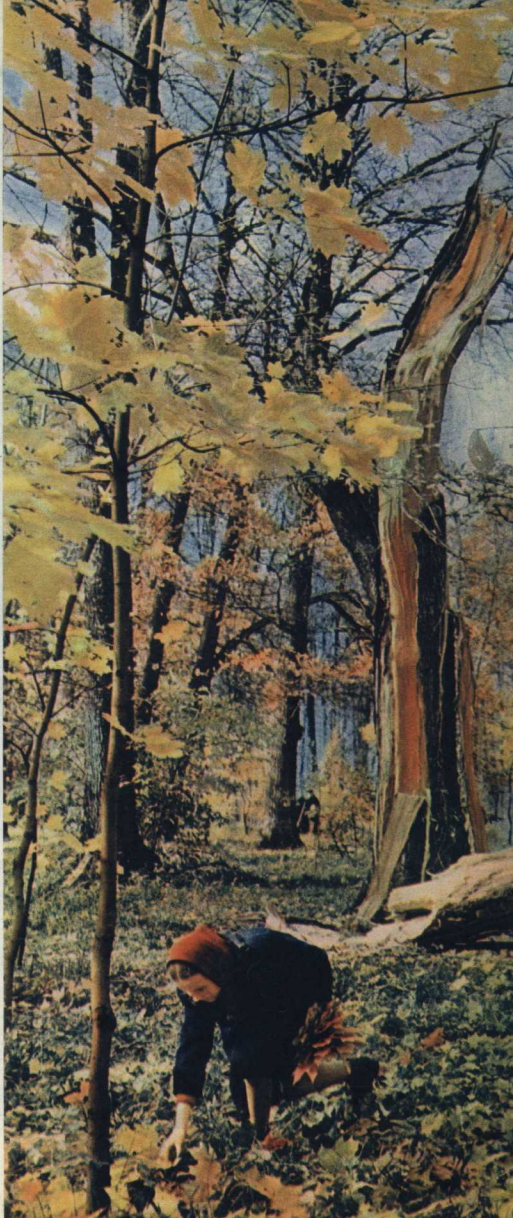

О С Е Н И

Как медленно осенние рассветы!
Под медленно сторащащей звездой
Снежат реки, в желтов одеты,
С прозрачною и медленной водой.
Прошна рассвет, застыла неподвижно
Стрела гусей, и слышен крыльев свист,
И слышно, как горит костер, и слышно,
Как медленно в песках жалеет лист.
И солнце, медленно подивавшись над холмами,
Проходит сквозь листву нависосок,
И подсыхает медленно лесом,
И медленно в стволах струится сок,
И медленный дымок восходит над домами.
В косых колоннах медленного света
Еще дрожат росы аквамарин.
Трепещет лес, прощально машет лето
Багряными ладошками осни.
В снью бледную распылчатого и немо
Оранжевые врезаны холмы,
И блекло холодующее небо
Похоже на преддверие змам.
Отбушевало ливневое лето,
Моддельтепылы осенние ручьи,
И врезаны в сухую снью рассвета
Желтеющие волосы твои.

Владимир ПАВЛИНОВ

Не нужны этой осени
 ни слова и ни слезы.
 Леса черные кости
 торчат через версты.
 И полот, проходя по осенней России,
 шапопан босые —
 косые
 дожди.
 Их ругают столбы, и пеньки,
 и на площади тумбы,
 а красотики с афиш
 им дают тренированно губы.
 И, глуша жишуру,
 и тина взмывает высоко трубы,
 что работают много, охотно и трудно.
 О косые дожди! Вы поэты России.
 Вы себя ей отдали и жили минуту.
 Но, смешавшись с землей, вы вернете ей силы
 и надежды, и блеск, и весеннее утро.

Виталий ШЕНТАЛИНСКИЙ

Фото
В. ГИПЕНРЕЙТЕРА,
М. МУРАЗОВА,
Н. НЕМНОНОВА,
С. ПЕТРУХИНА,
В. ТЮККЕЛЯ

Из записок аэрогеолога

Од нами черная жирная вода. Москва-река. А слева, за мостом Обруинкой дорожки, над самой землей светят багровые звезды. Вокруг они становятся маленькими и белыми, а возле Каспилова исчезают. Это МГУ.

— Только чаще ныши.

— Небезно... — Я притягиваю ее к себе... Два накнито мажннк месса! И не замкши... — Это ты... — обмниено говорит она. — Буду писать через день. Годится! — Смотри... Я гляну на нее, потон на воду. По воде сползят неуловимые тени. У меня — тоже: обрания фраз, воспоминаний, лиц, смутных предчувствий и чего-то еще... А липой как пахнет! Каждый год этот запах, и тени на воде, и железная килтва писать через день... Кружится в темноте «чертов колесо» — гигантский сверкающий круг без опоры. На нем полно людей. — Ты всегда улеташь, когда цветет липа... Да, и всегда назад. В Москве лето — я лечу в весну, а то и в зиму. Потом там наступит зима — я лечу обратно, улею осеню. Она осторожно высвобождает свою руку. — Последний раз летншь один. Больше не отпущу. — Правильно... Я улыбаюсь в темноте. Это говорит каждый год: «Последний раз, а там что-нибудь сообразим». — В «ТУ-104» заглопнули деверь. Я уселся поудобнее и застынул, равнин. Друг слышу: называют мою фамилию. Юра повернулся ко мне. Что это? Я отстегнул ремни, пролезл в двери. За ней темнота. Теплый, противный дождик. Я шагнул на трап и сразу почувствовал на лице ладони и частые-частые поцелуи. — Мама... Как же ты вышла!.. Ведь я не говорил номер рейса! А если бы, я улетел на Шарангеткешев!.. Мамочка, пора... Там сто человек ждут... Я пристегнул ремни и посмотрел в окношко. Маленькая одинокая фигурка уходила в дождь по громадным квадратным плитам... — Маган, Маган. Па-аправшу Кухто!.. Хабнбулин! Лысий человечек с опухшим лицом в оспинах левой рукой принимает и щипает телефонную трубку, а правой начинает рисовать зайца. За оном идет снег. Серые туши опускаются на деревянные крыши. Десять часов утра... — Маган, Маган! — продолжает человечек свои замкнания. — Па-аправшу Кухто! — У зайца выросло неожиданно длинное ухо... — Хабнбулин! Лицо у человечика сполыоние. Мне стало ясно, что он будет так звывать все свою жизнь или хотя бы пока окончательно не расправится с зайцем. И ни один мускул на лице не дрогнет. «Наш министр авиации», — представляю его главный геофизики местного геологического управления. Министр так министр... Человечек полонитя трубку. — Смышно!.. Да... Это вам не Москва. А что за слова вы все произносите? — Какие еще слова? — Кухто, Маган! — Кухто — это юмандир эснадрнлы. Он вам самолет выделит. — Как! Только сейчас будут выделять? А раньше чего же вы сидели? — Я почувствовала, что начнаю злигся. Человечек смотрел в окно. — Это Север... а не Москва. За его спиной на стене большая белая карта Севера с красными флажками посадочных площадок. «Не густо», — подумала я. — Сейчас там глухая зима». — За оном валла снег. Иеньский снег. В комнате, пропахшей табаном и деревом, вдруг стало очень холодно. — Присаживайтесь... — Главный геофизик примонился на стул и покосил глазами на диван. — Курить можно? — спросил Юра. — Конечно, у вас носовосие? — Да, пожалуйста. Я подошел к списку начальников геофизических партий, стал читать фамилии. — Хорошая фамилия — Незвестный... — Хорошо! — Главный геофизик засмеялся. — Недавно выступали на конференцию в Новосибирск.

Рисунок О. ВУКОЛОВА

НЕ ВЕРИЛИ

Н. В. Орлов
«Недомки», 1902 г.
Государственный
исторический
музей

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Орлов поступает в Московское училище живописи, ваяния и зодчества и лишь десять лет спустя заканчивает полный курс обучения. От своих учителей — В. Маковского, С. Корovina, В. Ползнова — выдающихся художников-демократов — Орлов перенимает реалистические традиции русских передвижников: точную любовь к народу и неколебимую верность убеждениям, которые одни лишь дают художнику возможность и силу выразить в произведениях искусства свои глубокие мысли и чувства.

Неподкупно честный художник с первых же самостоятельных шагов в искусстве видел свой гражданский долг, свои обязанности в том, чтобы повести людей слово правды. И крестьянская среда, в которой он всегда неразрывно был связан, постоянно подсказывала ему ясное, животрепетное темы для его картин.

Одна из первых его картин — «Умирающая», за которую Орлов получил звание классного художника, сразу же привлекла внимание известного мецената и коллекционера Павла Михайловича Третьякова и была приобретена им для своей знаменитой галереи. Эта работа произвела большое впечатление и на Л. Н. Толстого, который выразил желание познакомиться с автором. Состоявшийся вскоре встреча поведя к дальнейшему их сближению и переплетению.

Много интересных сведений об этом мы находим на страницах составленной Н. Н. Гусевым «Легенды мысли и творчества Льва Николаевича Толстого». Из этих страниц мы узнаем, что 17 февраля 1894 года во время осмотра Третьяковской галереи Лев Николаевич «умиленно картинной Орлова из народной жизни».

«Картина эта», — писал Л. Н. Толстой, — производит на меня одновременно чудесное, возмущающее впечатление умиленной жалости и вместе с тем, как ни странно сказать, авности к той святой бедности и отношению к ней, которые изображены в ней. Такое же возмущающее впечатление вызывает великой душевной силы народа, к которому именно счастье принадлежит хоть

ни жменька, а породой, производят на меня и другие две одного же характера, всегда глубоко трогавшие меня картинами: «Пароселенца» и «Возраждение солдата».

По поводу картины «Недомки» 22 апреля 1904 года Толстой пишет автору: «Все прекрасно и в целом и порознь». А о замысле новой его работы, «Телесное наказание», говорит в другом письме к нему: «Такая картина, да и все ваши, не только картины — это добрые дела: картина же телесного наказания должна быть сюжетом. Я из одного художника русского взятого в целом не знаю равного вам. Не узнайте, все минется, правда останется. А ваши произведения — правда и трогательная правда».

В феврале 1903 года художник знакомится с М. Горьким, заинтересовавшимся его работами. В одном из своих писем к К. Пятницкому Алексей Максимович, между прочим, сообщает ему: «На днях придет ко мне художник Орлов и будет заканчивать свою картину «Молель в казенной военной лавке». Велица интересна». А в 1904 году в письме к Е. П. Пешковой Горький сообщает, что на выставке эта картина «очень шумит».

В скромной по краскам картине «Христа ради» художник вновь возвращается к своим излюбленным сюжетам. Мы видим на колите ипписскую обстановку покоего на хлев жистья, слышащего младенца в соломенной плетнице, повдвешенной к закопченному потолку. Обходя свой пригород, откормленный деревенский спявциник идет по избам, собирая новый хлеб в качестве оброка. Не минует чаша сия и последнее бедняга, а вводящий за подающим плетнем вместо куса хлеба один и тот же неизменный ответ: «Вот подсти!».

При всех этих бесспорных достоинствах в полотнах Орлова, надо сказать, присутствует авиченная порочность судьбы, отсвет толстовского неприятия зла. В действующих лицах его выразительных картин ликает еще ни малейших признаков назревающего протеста. Но даже и такие картины цензура в то время запрета показывать на вы-

ставках, а тематика их резко осуждалась тогда в печати.

Безразостная, повседневная жизнь русских деревни, страдающая крестьян — неизменная тема всех живописных работ Орлова. Композиция его картин всегда предельно проста. Автору неважно было привлечь сложными построениями. Он постоянно жил интересами народа, и в глубинах народной жизни коренилось его реалистическое, прогрессивное искусство. Народным его образам, народное его восприятие мира и человека, народным по глубине проникновения в жизнь.

...5 июня 1908 года Л. Н. Толстой вновь обращается к Орлову: «— Я бы рад был написать то, что думаю о значении ваших картин, и о том, что вы один настоящий русский народный художник...» Год спустя великий русский писатель осуществил свое намерение, написав обещанное предисловие к альбому, одну репродукцию из которого мы воспроизводим сегодня на страницах журнала.

«Приказано издавать альбома картин Орлова», — пишет Толстой. — Орлов — мой любимый художник, а любимый им мой художник потому, что предмет его картин — мой любимый предмет. Прекрет этот — русский народ...» Николай Васильевич Орлов умер в 1924 году.

«...Он знал быт и страдания крестьянина», — писала газета «Известия» в редакционном некрологе, — и его мастерски написанные полотна представляют большую ценность для изучения деревенской деревни». Собиравшись писать об Орлове, я в первую очередь подумал: интересно было бы узнать о том, как сложилась судьба художника в советские время. И очень хотелось, конечно, узнать хоть как-нибудь подробности, связанные с его дарственной надписью Владимиру Ильичу. Но к кому, куда ни обращался я с этой просьбой, мне как правило, отвечали одно и то же: «У нас ничего нет о нем». Либо отсылали к биографической заметке в Большой Советской Энциклопедии.

...Б читалом залу Библиотеки имени В. И. Ленина встретил я как-то бывшего редактора «Известий»

И. М. Гроенского, большого любителя и знатока русского изобразительного искусства. Я поведла ему о своих затруднениях. Иван Михайлович внимательно выслушал меня, хитро улыбнулся и, любящее произнеся эффектном, сказал: «Да нет ничего легкого и трудного в Московской области живет его зять, и я могу хоть сейчас сообщить вам его адрес...»

Для два суток мы встретились с художником С. И. Софоровым, живущим на старшей даче Орлова, Надежде Николаевне. Семен Иванович сообщил мне, что в Москве живет и другая дочь художника — Валентина Циньковична, которая была с другим его домом, вплоть до последних его дней.

Из воспоминаний дочерей я и узнал о том, что меня интересовало.

На нашем сайте — один из последних портретов Н. В. Орлова. В 1917 году, в дни рождения нового мира, художнику шел пятидесяти шестой год.

С радостью встретил он победу Великого Октября, первые шаги Советской власти, парадный историческим декретом землю в распоряжение крестьян. В ту пору художник работал преподавателем в Липецке, активно участвовал в художественном оформлении революционных торжеств, в различных политических кампаниях.

С именем В. И. Ленина для народного художника-демократа, каким был Орлов, неизменно была связана одна из величайших задач мира — и преобразование человека. И можно понять негодование художника, узнавшего о злодейском покушении в 1918 году на жизнь Ленина. Но не только из-за этого, что врачи уже разрешили Ильичу приступить к работе, первым движением души художника было хотеть чествовать, отметить эту радостную весть. И Орлов решил лично отпраздновать Ильичу албом своих картин — самое драгоценное из того, что у него было.

У художника-патриота в то время созрела мысль организовать образовную сельскохозяйственную артель. Это решение было единодушно одобрено всеми членами семьи, и вскоре Николай Васильевич в сопровождении сына отправился в Москву.

По свидетельству дочерей Орлова, художнику был выделен большой земельный участок на Кубани, предоставлены железнодорожные вагоны, необходимые инвентарь и продовольствие.

В скором времени под руководством Орлова на тех землях было успешно организовано сельскохозяйственный кооператив, во главе которого стоял сам художник. Но этот был бурюродный начин закончился трагедией. В августе 1922 года местные кулаки с помощью белобандитов захватили в плен во время работы Дмитрия и двух его сестер и зверски убили их. После этой трагедии Николай Васильевич переехал в Майкоп, пошел в Москву, где долго болел и умер.

Архивы не сохранились, и сожаленно, никаких документов об этом периоде жизни Орлова, во упомянутые факты сами по себе являются красноречивыми свидетельствами, подтверждающими с одной стороны биографию талантливую русского художника.

С. БУРДАНСКИЙ

Н. ДМИТРИЕВА
Фото М. МУРАЗОВА

Дипломный спектакль таллинских студентов

„ВЕСТСА“

а надвигается театр оперы и балета «Эстония» — «Вестсайдская история». Кажется, ничего неожиданного для нас нет в этой пьесе, с беспристрастной реальностью фиксирующей жизнь современной американской молодежи. «Реактивы» и «анулы» — белые и пуэрториканцы — две группы молодых людей, озлобленных друг на друга, враждующих между собой. Они бесслышно находят причины этой вражды: как социальное происхождение, перенесенные им по наследству от старшего поколения. Безработица, расовая дискриминация — они не говорят этих слов, но это та невидимая страшная сила, которая заставляет их слепнуть в злобе друг и другу, вкладывает им в руки ножи, делает их убийцами.

За классически чистой и простой, как у Ромео и Джульетты, любовью Тони и пуэрториканской девушки Марии — представителей двух современных групп юных «Монтенни» и «Капулетти» — ярко выступает проблема трагедии человека капиталистического мира, его одиночество, беззащитность. Здесь даже танцы веч-но прекрасные чувства, как любовь, дружба, становятся своими антиподами.

«В эту ночь» — поют «реактивы» под андуном, угрожая «анулам», называя им встречу для битвы. «В эту ночь», — вторит им «анулы». Все напряженно звучит голоса двух групп в разных сторонах сцены, но вот из темноты в центре сцены луч прожектора выхватывает Тони и Марию: они ушли от «своих», они хотят быть вместе. «В эту ночь» — поют Тони и Мария, мечтая о любви.

В ту ночь Бернардо, брат Марии, убивает Риффа — друга Тони. Тони берет нож Риффа, и Бернардо падает смертельно раненный. Никогда Тони и Мария не будут вместе. Друг Бернардо. Чино, размышляет Тони. На глазах Марии он стреляет в Тони.

Премьера «Вестсайдской истории» в театре «Эстония» прошла с большим успехом, и с тех пор каждый раз перед началом спектакля у входа в театр слышатся робкие слова: «Нет лишнего билета?» — по-эстонски и по-русски. Спектакль идет на эстонском языке, но это не мешает зрителям, не знающим языка, понять его, потому что театральным языком этого спектакля — ведущий, основной и он доступен настолько и настолько всеобъемлющ здесь, что просто забываешь, на каком языке говорят актеры, потому что актеры играют в са-

мом полном и лучшем смысле этого слова, а зритель целиком захвачен, поглощен этой игрой, этим дружным актерским ансамблем.

В чем же секрет успеха спектакля? Конечно, не только в его привлекательной для современной публики форме «мюзикла», уже не новой на Западе, но не совсем привычной для нашего восприятия. Из известных нам

НА СНИМКАХ:

Лейтенант Шранк хочет знать все.

Вечером они танцуют.

Кто следующий?

История

фери драматургии «мозаика ближе всего к оперетте, но драматичнее, серьезнее, сюжетно острее и, конечно, масштабнее классической оперетты».

Может быть, отчетливей это так: неожиданности и новизна всегда привлекают зрителя. Но до поры до времени если только и приемлемо. Время проходит, а пора, когда на «Вестсайдской истории» будут пускаться в предания. Потому что удача — это удача творческой, добросовестной, обуреваемой желанием создать настоящее произведение искусства личности студента и преподавателя Государственного института музыкального и театрального искусства. Впервые Большая сцена академического театра «Эстония» приняла так достойных и равных студентов-дипломников. И не ошиблась.

Как-то не очень и хотелось говорить об этом вначале: работа студентов-дипломников оценивается не столько научно-теоретическим, чуть выше — отношением по поводу, полагиванием по голове и бодрим напутствием, что «все вполне». В данном случае молодые артисты в этом не нуждаются. Спектакль с профессиональной точностью заслуживает хорошей оценки и серьезного разбора.

У нас «все позади». С волнением вспоминают они сейчас как год назад искали пьесу для дипломной работы, чтобы она была неизвестна публике, которая захотела бы увидеть ее, чтобы она была музыкальной, потому что сейчас актер должен быть синтетическим (не в лимитическом, конечно, а в творческом смысле этого слова). И такая пьеса нашлась. Главная роль здесь отводится музыке, движению. На один день удалось достать пластинку с музыкой Леонарда Бернштейна и «Вестсайдской истории», переписали на пленку.

Тогда-то и поняли, за какое трудное дело взялись. Это была драматургическая музыка с огромным диапазоном голосов. А студенты четыре года лишь «проходили» уроки танцев и пения. И, как всегда, сомнение справился ли? — помогло искать пути и выходить на верную дорожку.

Конечно, сомнение было только толчком, а основную помощником стал энтузиазм, заразительный энтузиазм, который захватил всех, кто имел какое-либо отношение к будущему спектаклю. Главный режиссер и преподаватель Влодо Руммо. Режиссер дименции, являющегося ведущей частью действия («самый молодой член коллектива», — шутливо предупредил меня Руммо), — шестидесятилетний Хельги Тохоломан. Педагог-концертмейстер Виле Эрнесакс — пианистка, большой знаток современной музыки. Сейчас в спектакле занят весь оперный состав оркестра театра «Эстония». Директор Эри Клас — недавний выпускник дирижерско-хорового отделения того же института. Эри Клас — необычный дирижер. Слева от его пюпитра возвышаются удивные инструменты. Время от времени Эри кладет тонкие дирижерские палочки на листы партитуры, и тогда в строю звучание оркестра включается партия ударника. Клас — ударник эстонского радио. Он любит современную музыку, и эта

любовь, отнюдь не платиническая; оркестр театра «Эстония», привыкший к исполнению классических произведений, звучит в «Вестсайдской истории» так, будто он только и занимается исполнением современных композиторов.

И видел Эри в антракте, за кулисами от стола с оркестром декорации, молодой, темноволосый, в черном фраке и безукоризненно бедной манере. Он был где-то там, среди своих звуков и мелодий, а рядом — Хелси Салло, исполняющая роль Марии. Он что-то напевал ей, отбывая так пародию, и так внимательно слушивалась и тихо повторила за ним.

Хелси Салло — самый счастливый человек из всех, кто встречался мне за последние годы. И она сама не была этого. «Я счастлива», — говорит она мне, принимая ладони и горничные шепкал. — Мне теперь хочется работать, работать, работать...»

После окончания одиннадцати классов Хелси получила документы в музыкальное училище. Она хотела петь. Она так любит петь, что от одного желания петь у нее становится темно в глазах. Это ее слова. Но ее не приняли! Нет данных, сказали ей родители. Она шла по улице, на глаза за полалося объявление о том, что профессиональное училище приглашает учеников. И вот Хелси Салло — повар. Она работает в столовой и учится в драматической студии при театральной обществу. За три с лишним года Хелси, по сути дела, прошла те же науки, что и ее ровесники в институте музыкального и театрального искусства.

Хелси приглашена на репетиции «Вестсайдской истории». Она увидела, как говорят эту роль студентки-дипломницы Линна Орлова и Ри Рооз; казалось, это не ее роль. Иеремичья, нежная, ласковая, Мария не была похожа на тех девушек с сильным характером, которые удавались Хелси, когда она училась в студии.

Когда еще и незнакомая с Хелси Салло и историей ее двадцатитрехлетней жизни, видела и слышала ее в спектакле, и удивлялся такому удачному для театра совпадению в роли героини действительно ее ровесницы, с замечательным голосом, с такой порывливой всех искренностью и естественностью, которые заменили актеру на первых порах мастерство.

Может быть, в тот вечер Хелси играла по-особенному эволюционно. На следующий день во время генеральной репетиции оперетты Штрауса «Венская кровь», под звуки вальса, она говорила мне, что вчера, 19 апреля, у нее был такой сумасшедший денек: репетиция, конкурс, спектакль. На конкурсе ее привлек в труппу театра «Эстония».

Сидит передо мной счастливый человек. Такое же ощущение счастья от сыгранных в «Вестсайдской истории» ролей передаюсь мне и при встрече со студентами. Все они патристы своего спектакля, и никто из них — ни Уно Вари, ни Рудольф Аллвардт, ни Калво Таммин, ни Пинт Сеппин, ни Анн Гаршин, ни Мария Михайлова или Тони Мииксер — никто из них, двадцати одного студента-дипломника, не даст в обиду спектакль, над которым столько трудился.

Александр БИРЮКОВ

Рисунки В. АРОНИНА

РАССКАЗ

В долгие весенние дни и вечера я лежал дома с закованной в гипс ногой и скучал. Сюсуда Полна Романова, злая старуха неведишести, молва ставила мне на стол завтрак, обед и ужин. Она была не очень расположена ко мне, и до болзанил мы с ней ее здоровались. Теперь я был рад, что она приносит мне еду и не осмелилась на такую роскошь, как развоз.

Робота приходил редко. В первое время, когда я только сломал ногу и врачи, проливные все лимников-неудачников, вбили мне в пятку гвоздь, приспособили к нему груз и объявили меня тяжелым, — я то время работа ходил часто. Они так прислаивали в больницу всяческую контрабанду, в тепле выкладывали новости и без всякого зарезания совести пилились по сторонам. Это каждый из них не так уж много проработал в газете, профессиональное любопытство было сильнее всякого приличия. Каждый с трудом удерживался, чтобы не достать записную книжку, когда узнавал, что подставка, на которой лежал мой ног, называется самолетом. Из пятнадцати минут посещения каждый минимум пять минут просиновал затылком ко мне, вглядываясь в угол, где лежал тот спеленатый битина Димка, про которого говорили, что он спас нехтеркинские лице.

Сначала того как от меня уходил последний, и Димкинское угло поз современный, выстраданный мат. Димка ругался не по злобе. У него были сильные боли, и он не хотел стонать при посторонних.

Чтобы промучить в палату, ребята запасались невероятными кисками. Кто-то из них проходил даже по липовому удостоверению инспектора пожарной охраны. Отчаявшись бороться с самозавидцами, врачи нашли простой выход: наложники гипса и отравляли меня домой.

С того дня я почти не видел ребят. Им было некогда. Сначала майский номер, потом Денно Победы, потом пионерский, потом еще что-нибудь. Мою одиночество не было конца. И я с ним смирился.

Чаще других заходил Женка. Он был самым молодым из нас и самым бездельником. И ему чаще других доставалось на летучках. Он приходил по пятницам и рассказывал главным образом о том, как сегодня исполнял роль сидоровой козы, сетовал на свою судьбу и уходил.

А я снова оставался один. И вот тогда незаметно я нашел собеседника. Это был двор. Было много и форточка была открыта, шумела стружка. И двор ежминутно докладывал мне обо всех новостях.

Он пропался без пятнадцати девять с хлопавшей парадных дверей и шорохом многих шагов. В первый раз был большой провалы в дневной магазин. Поэтому с девяти во дворе разругались машины, урчал грузовой лифт, с грохотом вылетала через люк тары. Я слушал анекдоты грузчиков, расщербленные голоса экспедиторов и друка о том, что любой облезлины позавидовал бы моей позции.

В три дора стихал. Машины разругались уже не так часто. И разругались они тише. А в пять часов опяти хлопали двери.

Двор не заходил до вечера, потому что сразу сел мальчишек хотели бы Гагариным, и ни один не соглашался на роль ракеты-носителя. В восьмом часу в распахнутые форточки кричали авыи.

Мальчишки огрызались, но от вмешательство

Уют Тотина...

взрослых игра расклеивалась. Без особого грохота ребята выводили на орбиту очередного Гагарина и разбегались.

Тогда наступала тишина. Гулька тишина каменного колодца. Она заполняла двор до крыш и караулила каждый звук, чтобы разнести его по окнам.

В других домах в это время, наверное, гремели приемники и магнитофоны. У нас такие штучки не проходили. Музыка чуть слышалась из приоткрытых форточек. Дядя чопорно и строго охранял свою тишину.

И вот однажды в эту тишину ворвался свист. Не захватский, мальчишеский. Не узорчатый, милицийский. На дне колодца кто-то не спеша, надуя губы, выводит:

— Ты стоишь у окна,
Небось ушел и тесен,
Ты стоишь и грустишь...

Хлопнула входная дверь, и свист оборвался. Услыдив двоих: он — широкими, редкими шагами, она — частыми.

Так повторилось и на следующий день. Потом еще и еще раз. Так повторялось каждый день, и тогда двор заинтересовался этим событием.

— Явился! — возмущало окно на втором этаже, когда раздавался свист.

— Свистуну на мороз! — глумло острило окно с балконом.

— А у матери уши ватой заткнуты! — возмущалось третье.

Дяде соседка Полина Романовна не удержалась. Однажды свист застал ее в моей комнате, перед умином. Она выглянула в окно и поджала губы.

— Прости меня, господи, как сумку ногу выманяет.

Возвращались они поздно. В одиннадцать часов закрывался магазин. Несколько минут двор даващца. Выходит инкассатор и небрежно шмырнул на задние сиденье мешок с выручкой. Мешок чуть слышно звякнул. В одичавшей тишине «По бедам грохотала, как транспорт.

Уже сквозь сон я слышал шаги во дворе. Они приближались и становились все медленнее. На секунду они замедлялись. Потом легкие, по-девичьи стремительные, как шаг воробья, летели по ступенькам подъезда. Под моим окном хлопала дверь.

Ночью во дворе сторож разговаривал с соседкой.

В этот раз Женька пришел неожиданно. Он пришел не в пинжуну и не унылый. Он был так взволнован, что даже забыл расписаться в приходе на моем этаже.

Женька! — заорал он с порога. — Счастье колется, но оно в наших руках.

Женька рассказал, что привез из прошлой командировки очерк. Но редактор его почему-то забраловал безнадёжно.

И тогда — Женька выдержала паузу и полез в карман — я послал очерк в районную газету. И вот...

Он протянул квитанцию перевода.

Женька не мог сидеть спокойно. Он прыгал от кровати к столу и опять к кровати.

— Это надо отметить! — захлебывался он. — Где твои шмотки! Самое главное, это натянуть штаны. До ресторана восемьсот метров.

— Не хныкай, — сказал я, — столько мне не пройти. Я взмокну на пятой ступеньке. А из шестидесяти восемь. Мы придем в ресторан часа через четыре. К тому времени он, несомненно, закроется.

Женька понял, что ничего не выйдет. Но в тот вечер он не мог не захлебываться.

— А ты Крез, старик, — опять распалился он. — В твоём подъезде живет такая девочка! Я шел сейчас за ней по лестнице и забыл, куда иду.

И надо же так случиться, чтобы в эту минуту раздавался свист.

— Опять пришел, — сказала окно.

— Ходит и ходит, — вступило в разговор второе.

Женька выглянул в окно, а внизу хлопнула дверь, и свист оборвался.

— Ага, — сказал Женька. — И часто он приходит!

— Хоть бы день переждал, ведь экзамены скоро, — пыхтело второе окно.

Женька ходил по комнате, и его шаги мешали мне слушать, как те двое уходят.

— Не прыгай, старик, — сказал я Женье. — Тут ничего не выгорит.

На следующий день с утра было ненастно. И только под самым вечером, когда матери уже разогнали ребят по домам, перестало моросить. И тогда внизу опять раздавался свист. Наверное, парень был рад, что погода исправилась и не придется мочить, потому что свистел он не совсем обычно. Это была уже не теплая, немного грустная мелодия, а победный марш, лихой и неуемный.

Парень высветил первый куплет. Но дверь почему-то не хлопнула. Молчали и окна, как будто у каждой хозяйки в эту минуту кипело на кухне молоко.

Кончился второй куплет. И снова молчала дверь, молчали окна. Парень влезал за третий, довел его до середины и оборвал. Прокричали одинокие мужские шаги.

Я ничего не мог понять. Мой Болтинский двор меня явно обманывал. Присядьте что-то необычное, а двор молчал. Пона я ткнулся за костью, пока вставал и шагал к окну, опять случилось что-то. Потому что внизу, у самого подъезда, я увидел парня в форме буллиштом, пиджаке. Парень, как ни в чем не бывало, вывел свою песенку.

Хлопнула дверь, и рядом с парнем стала девочка. Сверху я видел только волну светлых лохматых волос и узкие плечи. Они пошши, а она все еще молчала, глядя друг на друга без десятка вымеченных, как настоящие заговорщики. Вдур сверху, с четвертого этажа, заремел зычный мужской бас:

— Эй, пареный Ты не опаздывай.

Парень обернулся и растерянно кинул.

За умином, глядя, как всегда, в сторону, соседка Полина Романовна сказала:

— Если vuoi шалопая попробует прийти еще раз, открывай ему сам. Тонже свистун обьявлялся.

И ушла, поджав под пальчик губы.

В ту ночь я заснул поздно, но так и не услышал шагов во дворе. Может быть, потому, что ночи становились светлей и светлей, и хотелось без конца бродить по тизмам, налитым белесой мглой улицам

г. Магадан.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ТОЛЬКО НЕ УЗКИЙ СПЕЦИАЛИСТ!

Ф. КОЧНЕВ,

профессор, доктор технических наук,
ректор Московского института
инженеров железнодорожного транспорта

Обсуждение в нашей печати работы высшей школы затрагивает самые разнообразные вопросы обучения и воспитания студентов. Высказывается много верных мыслей, заслуживающих самого пристального внимания. Но есть и такие, которые не могут не вызвать возражений, например, о том, что в технических вузах общественным наукам уделяется слишком много времени. Вот и в интересном выступлении академика Валентина Алексеевича Каргина («Смена» № 17) промелькнули слова о «раздвоенности» программ общественных наук и утверждение, что это один из факторов, отнимающих у студента время для изучения профилирующих дисциплин.

Так ли это! Можно ли считать, что в сложном и многостороннем процессе подготовки специалистов удельный вес общественно-социальных предметов занимает непомерно большое место! Давайте взглянем в существо вопроса, разберемся в том, насколько обусловлена связь в преподавании спецдисциплин и общественных наук.

Как человек, много лет работающий в техническом вузе, думаю, что прежде всего необходимо ставить вопрос об улучшении преподавания общественных наук, о максимальной тесной связи их с дисциплинами, определяющими профиль вуза.

У нас в МИИТе широк диапазон специальностей. Это транспорт, автотехника и телемеханика, счетно-вычислительная техника, энергетика.

ТВОРЧЕСТВО

Есть острая необходимость в том, чтобы мысль педагога—философа, политикона глубже проникала в эти дисциплины. При этом условия затрат времени на общественные науки будут еще более оправданы, так как союз специальных кафедр и общетеоретических значительно повышает качество обучения студентов.

Мы делаем некоторые шаги по этому пути.

В наших институтах кафедрами общественных наук совместно с кафедрами химии, теоретической механики, математики и физики были проведены семинары по общим темам, где углубленно разбирались вопросы диалектических связей в природе. Студентам стало ясно, что изучение этих частных наук в замкнутом кругу специальных узких проблем эмпирично. Связь с философскими дисциплинами расширяет горизонты перед ними. Мы и сейчас предлагаем проведение семинаров по таким темам, как «Вопросы причинности в современной физике», «Философские вопросы теоретической механики», «О количественных и качественных изменениях в кибернетике» и других.

Что же касается политикономии, то здесь проблема «всех часов» более очевидна. Может ли идти сегодня речь о серьезном специалисте, скажем, инженере, без глубокого [в при ограничении учебного времени этого добиться нельзя] знания такой политикономии и, как следствие, конкретной экономики, основ научного планирования и т. д. В. И. Ленин в речи на III съезде комсомола говорил, обращаясь к молодежи: «Перед вами стоит задача хозяйственного возрождения всей страны... Здесь недостаточно понимать, что такое электричество: надо знать, как технически приложить его к и промышленности, и к земледелию, и к отдельным отраслям промышленности и земледелия».

Безусловно, задачу, поставленную В. И. Лениным в октябре 1920 года, мы решили, этот период уже позади. Теперь советский специалист, инженер, решает куда более сложные вопросы — научно обоснованный расчет становится основой всей его хозяйственной деятельности. И, естественно, без детальных экономических знаний, которые призван дать своему воспитаннику он, обойтись не может.

Есть и другая сторона вопроса, не менее ответственная.

Современный студент — это завтрашний руководитель цеха, участка, завода. От того, какими он окажется воспитателем людей, зависит очень многое, ибо процесс хозяйствования и воспитания — единый процесс.

Жизнь показывает, что требуется не только ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ, но и ФАКУЛЬТАТИВНОЕ преподавание таких дисциплин, как этика, эстетика, научный атеизм. Эти дисциплины читаются студентам всех факультетов. И здесь опять дело не в затратах учебного времени, а в том, как эти предметы соотносятся со всей жизнью вуза, студента.

В прошлом учебном году студентам нашего института написано около тысячи рефератов по различным атеистическим темам, лучше их было обсуждать в студенческих группах. Многие студенты по темам своих рефератов выступили с лекциями и беседами среди молодежи.

Это говорит о большом и серьезном интересе студентов технического вуза к вопросам общественно-политическим, это нас радует и возлагает на преподавательский состав новую ответственность по коммунистическому воспитанию студенчества.

И если мы порой не можем убедительно ответить на «острый» вопрос студента, то это значит, что наша собственная идейная вооруженность недостаточна, это — свидетельство того, что преподавательский коллектив, углубившись в специализацию, недооценивает вопросы воспитания, ключ к которому в любом советском вузе — на кафедрах общественных наук.

Безусловно, нельзя сегодня говорить о том, что в преподавании эти дисциплины еще совершенно. К сожалению, институтские кафедры общественных наук в достаточной степени не освоили тех отраслей науки и производства, того комплекса специальных проблем, которые изучаются в том или ином вузе. И в этом как раз проявляется известная степень догматизма, оторванности от требований жизни. Нужно сказать и о том, что роль преподавателей-обществоведов в вузе могла бы быть значительно эффективней, если бы их воспитательная работа интенсивно велась не только в рамках аудиторий, как это бывает, а не менее целенаправленно продолжалась бы в общеинститутских, в неофициальных разговорах — в повседневном общении со студенчеством.

Мы не должны забывать, что обучение студента — это не только подготовка квалифицированного специалиста, но и воспитание гражданина, человека убежденного, преданного идеям коммунистической партии. И одна из главных ролей в этом процессе принадлежит общественным наукам — марксистско-ленинской философии, основам научного коммунизма, политикономии, истории КПСС в первую очередь.

На мой взгляд, сегодня соотношение институтских программ по профилирующим дисциплинам и предметам общественного цикла вполне ПРОПОРЦИОНАЛЬНО, оно соответствует требованиям жизни. И говорить нужно не о «раздутасти» программ общественных наук, а об улучшении их преподавания в любом вузе независимо от его профиля.

Издано в МВТУ имени Баумана прошла студенческая конференция под девизом «Учеба может быть творчеством». Меня особенно заинтересовало выступление дипломника Станислава Северова, но во всем лекции, местами спорное, но искреннее и, пожалуй, знаменательное. Он говорил так:

— Путь лет студенческой жизни в наше время должны быть творческими. Главное — понять: учиться необходимо не только «чему-то», но и «зачему-то»...

Действительно, «чему-то» научиться можно, прослушав курс лекций, побывав на практике, выполнив определенное количество лабораторных работ.

Учиться «зачему-то» — значит формировать в себе творца. И вот в вузе происходит дифференциация. Один втиснул себя в свободную формулу: «Я учусь «чему-то» — получу диплом — стану специалистом», другое хотело научиться «чему-то», чтобы заглянуть «во что-то».

Интересы лагерей разошлись. Первые спрыгали с сложной заводской вершины шагунги в мир интеллекта.

Почему так получается?

«Почему ты выбрал этот вуз?» — задавал я вопрос нескольким абитуриентам, и ответ услышал:

ГЕННАДИЙ ЕГОРОВ. Если говорить честно, мне было все равно, куда поступать. Сначала думал в МВТУ, потом вступил в Горки. Словом, пришел за одиннадцать лет учиться. А где? Какое это, в общем-то, имеет значение...

ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВА. У нас была удивительная учительница по истории. Когда она рассказывала, мне казалось, что я вместе с Никитой Хрущевым и Солнцевым, вместе с Александром Македонским совершаю походы... Еще в школе я решила: стану историком.

НИКОЛАЙ ГОРЧАКОВ. Хотелось познакомиться в полупрозрачной. Наука эта новая, малоизвестная...

ГУСЕЙН МАМЕДОВ. Сначала я думал, что все предельно — гуманитарные предметы. Даже стихи писал. А потом попал на слушания на флот, и стал радостно и пошел, что лучше радио ничего на свете нет. Конечно, если в это дело влезть по-настоящему...

Этим четверым по 20—22. Один задумано безразличен, двое циничен. Другой идет в вуз, загнивающий-разваливающийся, вступил учителем. Третий — человек с пробуждающимся интересом ко всему новому. Наконец, четвертому жизнь подсадила выгор профессора...

И вот, первый, однако, будет учиться «чему-то». А если в нем проснется то, что дремало в школе, и он впоследствии совершит научный подвиг? А тот, кто мечтал открыть новое в тайнах полупрозрачной, вдруг стане «заочником» трюмной? Или пылая истинный Разум не сможет не реализовать зачатую при первом соприкосновении с пыльным миром законов Владимира Мономаха?

В вуз приходят четыре человека с разными задатками, с разными способностями. Они стали студентами. И теперь от вуза во многом зависит, куда разбегутся их пути-дорожки: кто станет творцом, а кто — ремесленником.

«Геннадий» — это 95 процентов творчества.

(Т. Эризон.)

Мне может возразить, что я не придаю значения приемным экзаменам, которые представляют путь. Мне кажется, что экзамены — плохие инструменты. И не случайно такой видный ученый, как доктор физико-математических наук О. М. Белоцерковский, писал: «Ежегодно перед нами ставится сложная, может быть, даже неразрешимая задача: среди нескольких тысяч подавших заявления найти несколько טובов. Подчеркиваю — найти. А средство в наших руках — приемные экзамены — почтенно старое, но старое не значит плохое. Пока нет более тонких критериев, баллы отрицаю! Да и много ли говорят о человеке? Да и много ли говорят?»

Я сознательно опускаю тот момент, что уже сейчас каждый вуз в состоянии готовить «своих» студентов, создавая химические, биологические, физико-математические и исторические кадры. Но по-прежнему придут десятки тысяч молодых людей, которые через пять-шесть лет становятся либо творцами, либо превращаются в заурядных специалистов-исполнителей.

Но если творец одновременно и великолепный исполнитель, то второй никогда не станет первым.

Как же формировать творца!

Негатив и позитив

Человек Орлеан спит, а ему пора на работу. Откапывая будильник, терпеливый сосед монотонно повторяет: «Эй, проснись, опоздаешь...» Наконец товарищ пробное взял его за плечо и разбудил.

Нечто подобное происходит, но на взгляд сегодня с обычным студентом. Он тоже спит. Как его разбудить? Своеобразный «будильник» видится в вузовской программе. Терпеливым «соседом» предвстает преподаватель. А энергично будить, очевидно, помогут вузовские творческие организации — кружки, студенческое научное общество, студенческое конструкторское бюро и т. д.

Итак, уравнение с тремя неизвестными. Решив его, мы получим систему вузовского обучения.

Вузовская программа. Пожалуй, никто не подвергает в системе высшего образования такому нападкам со стороны преподавателей и студентов, как она. В основном существуют две точки зрения на программу. Первая — программа перенасыщена, много дублирующих предметов. Вторая — программа с каждым днем «обсыхает» — ее больше и больше, урвать дисциплины не, если так будет продолжаться дальше, ее выльют окончательно...

Как видите, мнения взаимосключающие. Видимо, в вузовских программах надо принять называть неразберихой. Посмотрим, как это отражается на формировании личности творца. Вольным волеизъявлением стилистический прогресс по-

ВЫБРАННЫЕ

гребавал, чтобы из того же Станини вышел не только хороний инженер, но отличнейший экономист. Но «если сравнить наши программы по экономике с программами в вузах других стран, вывод будет не в нашу пользу. Например, в машиностроительном институте в городе Милане (Италия) (ГДР) по специальности «Инженерная механика и механика машин» существует ведущая специальность «Технология машиностроения», на организацию экономической части дается 345 часов. А в Станине «...курс все больше и больше урезается. В первую очередь — на Организацию планирования машиностроительных предприятий» выделено 20 лекционных часов и 10 часов семинаров... Это говорит преподаватель Станина профессор Г. Теплов. Да, сегодня уже все понимают значение экономических наук. Но одно дело — понимать, другое — что-то изменить в вузовской программе. А если внимательно изучить ее, то наверняка обнаружится, что курс экономики можно увеличить за счет каких-то других дисциплин, потерявших свое профилирующее значение.

Я привел всего лишь один пример, но, мне кажется, он достаточно иллюстрирует мысль: беда программ не столько в их перегрузке, сколько в том, сколько в них перерублено организационной гибкости.

В результате страдает студент. Он превращается в автомат, абрирующий в себя подряд все знания и, по существу, знающий их все-таки для себя, но не оказывая значения в практической работе после института. И это подчас приводит к тому, что студент проглатывает предметы, не извлекая для себя существенной пользы. Он знает, но не выполняет предусмотренной программой минимум.

Чтобы в вузе расти творческому студенту, программа должна быть актуальной. Ни в коем случае она не имеет права превращаться в раз и навсегда кем-то утвердивший канон. Ее нужно и можно изменять в зависимости от требований сегодняшнего дня. Это я и называю организационной гибкостью программы.

Тогда не будет тактово: студент про-

читал все, что ему было предложено. В его мозгу скопилось много формул, фактов и выводов. Наступил день экзамена. «Счастливый билет» у ребят. Студент напрягает — нет, не интеллекта, а памяти и, облебенно вздыхая, выкладывает, но скучно, генеральные мысли великих ученых мужей зорко следящего преподавателя... И так из года в год. А потом, смущенный и радостный, он получает диплом, с остревшим врет опостылевшие кондоль и учебник и уезжает в институт распределения. А кто приехал на завод! Творец! Увы, исполните!

Заранее слышу негодование голоса: «Не может быть! Это клеветка! Уж не хотите ли вы сказать, что...»

Да, именно это я и хотел сказать. Вузовские программы не рассчитаны на студента сильного, на студента-творца. Выполняющий ее объективно может стать средним специалистом, и только.

У нас удовлетворенно говорят о молодом человеке, желющей стать специалистом, мол, программа рассчитана на средние способности. Так что не путайтесь — выдохните!

Но, что в нашем вузе может учиться любой сильный человек,— это великолепно. Но то, что программа рассчитана не на сильного, а на среднего,— вот это плохо. Если мы хотим, чтобы на вуза выходил творец, программу нужно усложнить.

Но все это добрые пожелания на будущее. А что можно сделать сейчас при дележе на совершенной программе, чтобы воспитать мыслителя, творца! И можно ли? Да, можно. Но для этого студенту необходимо раскрыть подлинную роль инженерной программы. Главная, без которой, зрелая студенту, как присутствие гаммы, этюды, гаммы, легкие фисы. По-иному он бы не стал настоящим pianistom, но и не они его свелили музыкантом. Они лишь предоставили ему реальную

возможность войти в мир музыки. А как на базе программы вводит студента мир интеллекта. И тут, как мне кажется, первое слово за преподавателем.

Преподаватель-воспитатель

В аудитории МАТИ встретились два студента:
— Вы знаете МАТИ встретились два студента.
— Ну как! — спросил один.
— Нет, не так! — ответил другой.
— Учились?
— Учились.
— Профессор Далин?

— Повею, братья. Будете знать! А философю?

— Томе хорошо, занимаемся не надо. Он все по Афанасьеву дует. Этот диалог наводит на размышления. Думя преподавателем дала студенческая оценка. С определенной точки зрения. Но импортом с горничной! Спринтер тот, что даст студенту курс лекций, прочитанный преподавателем Ивановым! Думяущему равным счетом ничем, а в итоге и станет больше вассалом по отношению к своему современнику — ученику. Я даже догадываю, что у преподавателя Иванова стопроцентная успеваемость в группах. А у профессора Далина есть «хвосты», но не стоит ли иной из этих «хвостышек» отметить ИВАНОВСКОГО МЕТОДА ОБУЧЕНИЯ!

Если преподаватель с беспристрастностью электронной машины перекачивает знания из своей головы в головы своих учеников, да еще и в это дело студент мог бы сам опознать, отрыв ученика, а потом преподаватель ограничивается только тем, что на экзаменах фиксирует, насколько прочно знания задержались в памяти студента,— такой метод обучения не даст главного: он не разбудит в студенте интереса к предмету.

Роль преподавателя в формировании творца, по-моему, складывается из многих компонентов. Но первый — это умение преподавателя воспитать в студенте уважение к предмету. И в этом процессе нет мелочей: читается ли лекция, проводится ли семинар, в каком тоне, отвлекается ли преподаватель во время консультаций посторонними делами, опаздывает ли на занятия — все будет замечено студентами. А в результате — естественная

реакция аудитории: скорей бы закончил. Преподаватель отключился, студент отключился. Тут уж не до творчества!

Или вопрос личных взаимоотношений преподавателя и студента. Они имеют огромное значение для развития студента. Недавно в одном из московских вузов состоялось партийное собрание, на котором говорили о том, что некоторые преподаватели не умеют разговаривать со студентами в аудитории. Томе, отпускаясь по их адресу сомнительные острооты. Это не только унижает, но и тормозит развитие человека. С такими преподавателями студенту не то что дискутировать не будет, так вообще постарается их избежать. А так называемая «система первой помощи» в ММСИ, когда иной преподаватель проверяет проект до первого замечания! К чему это приводит! Только к одному: студент не захочет исполнять работу认真负责но, где нет ошибок, но нет и творческого поиска. Иначе говоря, студент будет жить! Все это не мелочи. Далеко не мелочи. И не стоит утешать себя мыслью, что большинство преподавателей — это настоящие ученые, педагоги.

В связи с этим мне хочется рассказать об опыте студентов МАТИ. Они проводят своеобразное «социологическое исследование» учебного процесса. Что это такое? Для того, чтобы выяснить отношение студентов к курсу, читаемому тем или иным преподавателем, распространяется анкета. Такая анкета собирается субъективно задерживаясь в памяти студента, суммировано, перерабатывается фактически в объективную оценку. Эта анкета доводится до сведения декана или ректора. Студенту даны все основания, а если, о каком-то преподавателе разные студенты высказывают одно (в данном случае неслучайно) суждение, подтвержденное фактами, то с этим деканату придется считаться.

Мы говорим: преподаватель должен научить студента мыслить. Каким образом? Как-то мне пришлось побывать в одном университете на лекции профессора-физика. Я обратил внимание на то, что студенты в

Л. КАЛУЖНИК,
директор физико-математических наук

ВЫБОРЫ

Вечным студентом должен быть в наше время человек, который не хочет отстать от уровня современной науки.

Если рассмотреть историю человеческого общества, то заметно ускоренное развитие того, что сегодня мы называем наукой. В каком-то смысле наука — это несваренное мясо, оно неавтономно. Чтобы оно прижилось в жизнь, требовалось дескток тысяч лет, потом на вздыряющее человечество начало тратиться какое-то тысячелетие, потом — столетие. Сейчас новое входит в нашу жизнь за десятилетия.

Главное в том, что раньше изменения происходили в период, который был больше человеческой жизни. Теперь изменения в науке происходят за время одной человеческой жизни.

Отглянемся на девятнадцатое столетие. Тогда была совершенно ясно, чему учиться ребенка. Профессия, приобретенная в юности, добросовестно служила ему всю жизнь. Дальше он чему-то доучивался, но это стоило ему несваренное мясо за это время нормальным образом не менялось. Даже в переходных странах того времени — Англии, Франции — основное оборудование не менялось в течение пятидесяти — шестидесяти лет. А сейчас в электронной технике морально старение машин в США, во Франции — три года.

Вспомните, что в медицине! История и аспирин, кажется, существуют уже издавна. Медленно обильными арсеналами лекарственных препаратов. Стремительно меняется техника операции. И всем этим должен овладеть врач.

В шестидесятые годы нашего столетия молодое поколение не очень чувствует скорость научного прогресса. А я еще помню, как мы бегали слушать первые радиоприемники, а люди, летавшие в самолете хотя бы пассажирскими, были почти уникальны. Никто вообще не думал, что наше поколение увидит великие космические равер. Тогда же казалось, как мы бегали слушать тех же древним, как колесо, но не адвизуемому, что оно создано одним поколением! Двадцать пять лет назад вообще не было еще фундаментальных областей — математика, теория информации, теория автоматов, теория развития науки. По-видимому, в дальнейшем ускорение будет еще больше.

Но до сих пор мы стоим на позициях: формирование человека в профессиональном плане, и то, что ты получишь в вузе, тем ты будешь заниматься в дальнейшем. Ты построил оборудование и у нас и за рубежом. Однако постоянно растущий темп научного и технического развития ставит огромную социологическую проблему, с которой еще не встречалось человечество.

Если бы сегодня не изучали человека, постоянно участвовать в научном и техническом прогрессе, то мы создадим группу людей, которые в дальнейшем не смогут участвовать в жизни страны как производящие силы.

Как же готовить человека к будущей жизни? Ясно, что нельзя сейчас строить преподавание с расчетом дала человеку набор навыков и знаний, раз навсегда разделая эпоху ученика от его будущей жизни. Надо теперь готовить человека к тому, чтобы он учился всю жизнь. Важно ли это? Вот пример.

Атомной энергетик занимается сегодня люди, которые в определенный момент смогли переключиться на кибернетике. Кибернетика сегодня обучает молодое поколение, что вообще не знала свои студенческие годы, что такая наука была.

Думаю, примеров достаточно. Учиться всю жизнь — вот что предлагает человеку сегодняшняя действительность.

Однако человек — разрабатывая, может ли он сегодня готовить молодого человека к этому. Что имеется в нашем арсенале? Наша школа образовалась чисто традиционным

основном слушают и только изредка берутся за ручки. После лекции я спросил одного студента: — Почему вы не записываете? Ведь трудно полагаться лишь на память. Он усмехнулся: — Мне ничего не случается — пробовать. Начнешь писать одно, а главное, упускаешь... — По-моему, профессор читал довольно медленно.

— Не все в восторге. Если бы вы были физиком, а бы смог объяснить, в чем здесь фокус. Понимаете, в основу лекции положен вопрос. Нам дается только общее направление. Готовых ответов нет. Чтобы их получить, нужно самому подумать в классе. Иногда может гудят так, что и передать трудно. Но,— мой собеседник улыбнулся,— зато и доволен, когда докопаться до истины...

— Я не уверен, что это самый правильный путь. Но при таком методе преподавания формируется в студенте личность творческая — это бесспорно.

И еще хочется рассказать об одном профессоре.

Меня порадовало нетропологию и убеленно: куда вы придете на производство, много из того, что и рассказываю, уже устарело. Развитие науки идет вперед. Вот поэтому профессор решил уйти...

— Главная лекция профессора Г. А. Меерсона. Триста пар глаз напарно следили за каждым его движением. В аудитории не было ни смеха, ни смущения. На доске по мере лекции, цифры...

— 33 года формулы Ленинского письма Г. Меерсон возлагает передать Советскому Союзу кафедру металлургии редких металлов в институт стали и сплавов. Здесь сложился свой принцип своей стилистики работы. Профессор Меерсон уверен, что кафедра не только научный центр, но и мастерская, где основные работники — студенты. Кафедра, возглавляемая им, — это не только учебно-научный центр, но и мастерская, где основные работники — студенты. Профессор считает, что подготовить выдающегося инженера можно лишь при условии, если студент нараве имеет возможность работать самостоятельно. И это не только в учебно-научном центре. Г. А. Меерсон пригласил студента (любого, но обязательно работающего) — студента на кафедру. Студент устанавливает тесную связь с производством, участвует в творческой работе. Вместе с ним появляются ответы на самые сложные вопросы даже дерзких проектов. Те проекты, кото-

рые, помимо денег, обладают еще и научной ценностью, готовятся и внедряются в производство. Истории известны примеры как обязательная часть работы на кафедре. Можно привести много примеров того, проекты помогли некоторым заводам повысить производительность труда, повысить экономию. Так было, например, с новой технологией обработки и соединения стержней. Разработчики думали сотрудничать с кафедрой, но в итоге они перешли на Спасский завод цветных металлов. Результат? На предприятии ввели новое извлечение металла. Экономический эффект составил почти миллион руб. в год.

Д. профессор Меерсон создает и внедряет учебно-исследовательскую работу на кафедре, а также и студенту человеку, у которого просто нет достаточного опыта в занятиях. И еще: если ты будешь мыслить глубоко, ты будешь творить, будешь в своем состоянии мыслить другого — в данном случае студента. Вот, кратко ученого.

Таких программ, в нашем учебном мы рассмотрим два, которые — значительны и роль преподавателя в формировании творческих начал в студенте. Остается последний: какое место в этом процессе сегодня занимают самодельные организации — кружки, СНО, СКБ и другие?

СНО — это всего лишь СНО

Если посмотреть, сколько членов студенческого научного общества (СНО) в любом вузе, то получится солидная, успокаивающая цифра. Охват, так сказать, массовый. Скажем, в СНО МВТУ числится не менее 25 тысяч студентов. Но, уже, большинство только числится. Почему? Я не беру того случая, когда СНО работает неинтересно, плохо организовано и т. д. Есть другие причины. Кто идет в СНО сейчас? В основном это студенты первого курса. Идут и те, кто мечтает о полете в мир творчества и фантазии, и другие — учиться мечтает об этом полете. Одержимые остаются, те, кто не уходит. В основном же СНО — это «зашаляло». Почему? Попробуем разобраться.

...Член СНО, четверокурсник МЗИ

И. Дагеленон, пришел на кафедру учебно-исследовательской техники и вместе с другими студентами разработал модернизирующую установку. На конкурс ее «студенты МЗИ — производств» модель авторов хвалили, она получила премию. Лектурисский кафедра радиопередатчиков Роберт Азметов тоже предложил интересную теоретическую работу. Оценить ее могут только специалисты. Но профессор, преподаватель ловит на слове. По рекомендациям руководителя доклад Азметова поведать на конкурс. Научно-студенческая конференция и получила высокую оценку. Однако и СНО МЗИ Азметову отнесено неинтересно.

— Если оплошится предпринимательскую программу (УИР). И за нее не получают никаких денег. Но Д. Азметов в общем-то равнозначен, у них одни стержни — творческие. АМОДЕЛЬ — творчество, а в другом — упрямство! А теперь пришло и студенту — «нетворцы». Он рассуждает «практично»: «Стоит ли мне заниматься работой, за которую даже заработка не получают? А ведь даже ни прав. Студенту-творцу заработок не нужен. А исполнителю? Вот этим самым заработком можно способствовать творческому пробуждению студента!»

Дело, конечно, не в зарплате и не в тех двух примерах, которые я привел. Творчас получился так, что по идеологии — организация СНО представляет собой некое творческое «ваздария» студенчества. В этой организации работают только те, кто хочет работать сам, а она в состоянии пробудить интерес в работе и тех, кто еще не хочет сам работать.

— Работа в СНО права в системе вузовского обучения. И, несмотря на то, что в некоторых вузах так уже сделано, кардинально этот вопрос, конечно, не решен. Только МВТУ министерство высшего и среднего специального образования. Больше того, здесь нельзя какую-то часть программ возложить именно на СНО и одну из них, размер двух зайцев: с одной стороны, реализовать программу, если она перегружена, а с другой, — придать этой программе творческий характер? Ведь в СНО на учебника и конспекта далеко не уедешь, ибо в этом обществе требуется умения самостоятельно мыслить. И не будет тогда «ярдовая» студент рассуждать примерно так: «К

чему все это суеда? Самодельность на диплом не влияет, и без СНО променяю!» А если бы, а вы пошел в СНО, вынужден был пойти, вынужден был бы «шевельнуть извилинами», думать, задавать себе вопросы и давать ответы, а на вычитывать их в готовом виде в пухлых томах учебника! Студент был бы поставлен в условия, когда из него формировался бы творец в обязательном порядке!

Закончение

В чем состоит задача высшего образования? Видимо, не в том, чтобы человек в техникуму или институте выдумывал формулы, которые он сможет найти в учебниках, а выключать его пусть немалой, но все равно ограниченной суммой знаний. Наверное, важнее, если студент научится анализировать и синтезировать те факты, которые далеко еще не изучены. Это позволит ему переступить гранцы, за которой начинается творчество.

— Учебный процесс должен быть организован так, чтобы каждый студент понимал, что учится прежде всего сам, что, конечно он изучает те или иные предметы, а мы, преподаватели, именные лекции, руководящие лабораторными работами, помогаем ему в этом...

— Это справедливо высказывание преподавателя заместителя министра высшего и среднего специального образования РСФСР тов. Лебедеву. К сожалению, слова остались только словами. В докладе С. Северова, с которого я начал эту статью, говорилось в том, что в МВТУ имени Баумана на старших курсах, то есть тогда, когда у студента появляется определенный запас технических знаний, количество самостоятельных работ сокращается. Но поговорите с любым преподавателем училища, и они в один голос заявят: «Главное сейчас — это путь самостоятельной научно-исследовательской работы и связанного с ней самообразования студента».

Словом, вопросов много. Когда же последуют ответы!

в ней дается устоявшиеся знания и стандартные приемы. Я буду говорить о той области, которая мне наиболее близка, — о математике.

В центре школьного преподавания лежит Эвклидова геометрия, созданная еще с половинной тысячи лет до нашей эры. И вот уже полтора тысячелетия, потому что не знает точно, что именно сейчас давать. А геометрия держится на постулате, который не может быть доказан, — это аксиома.

В некоем доходе volta примерно сорок пять процентов материала. Вторая часть — факультативные курсы. Они должны быть более изменчивы. Изменения должны идти постепенно. Постепенно из факультативного курса часть материала переходит в ядро, а что-то из ядра уходит. (Сейчас у нас изменение программы либо не происходит вообще, либо идет рывком.) Подобно университетским курсам, могут меняться и школьные программы.

— Как же изменить программу ЦТО, а КАК подойти к современному уровню знания. (Всего программа все равно не берет.) Во всяком случае, уже на первом курсе надо хотя бы отчасти давать то, что открыто пятьдесят лет назад.

Как к этому прийти?

Во-первых, нужно сразу признать, что сейчас у нас не так уж много ученых, которые могут и формируют молодежь. Поэтому их лекции должны получить максимальную аудиторию. Так как аудитория — это каждый молодой человек Риктера, каждый должен получить возможность услышать Колмогорова. Кинофильмы и телевидение должны обеспечить это. Создание учебной телевидения, которая охватывает всю страну и работает регулярно, поможет решить некоторые вопросы. Школьники старших классов, авиачики — независимо от того, жители крупных городов или, рабочих поселков или села, — получат равные возможности встретиться с лучшими учеными страны, с опытными людьми, крупнейшими учеными. На конкурс в институты придут люди, имеющие более равные возможности для подготовки. Третья программа телевидения делает шаги в этом направлении.

Во-вторых, нужно решить вопрос о соотношении в системе образования пассивного и активного методов обучения.

В университете шесть часов слушают лекцию о том, что уже написано в книгах. Мы приучили студента к тому, что по материалу, отсутствующему в учебнике, можно извлечь максимум на экзаменах. И он прав: ведь мы не отдаем ему ни времени, ни сил для самостоятельной работы.

Мы в Киевском университете (да и только ли в нем!), требуя увеличения аудиторного фонда, не забывали о расширении читален. У нас в вузах

практически отсутствуют помещения, в котором студенты могли бы заниматься вместе, вместе обдумывать какую-то проблему. В читальных залах должна соблюдаться тишина, да и тому же материалу удобно заниматься вдвоем, работа на доске. Например, в Берлинском университете в нюрдхорст стоит доска, около которых работают студенты.

Но вопрос КАК учить еще далеко не исчерпывает проблему образования в наше время. Необходимо более определенно знать, чему учить, учить как, что, как, кем, как часто, с каким специалистом через семь-восемь лет.

Фантазия всегда идет по касательной к тому, что уже сейчас происходит в науке. Не случайно даже в научно-фантастических романах в начале века отсутствовали электронные машины, не говоря уже о кибернетике. Однако можно и нужно экстраполировать, приближенно представлять, с какими изменениями в науке придется встретиться современному поколению, что им предстоит извещать в современной обстановке.

Наука новая наука о науке. Наука о будущем развития науки. Науковедение, которое сейчас постепенно и стихийно образуется.

ДИСКУС
СИОННЫ
КЛУБ
«СМЕНЫ»

Партизаны Анголы учатся военному делу.

МОРЕС СТАТЬ АШШ

Жозе МАНУЭЛЬ,
«ПОРТУГАЛЬСКАЯ ГВИНЕЯ»

АНТОНЮ ДИТО,
АНГОЛА

ПЕРВЫЙ БОЙ ПЕРВОГО ОТРЯДА

23 февраля 1961 года радио Луанды передало первое сообщение о нападении повстанцев на назармы столичного гарнизона португальских войск. Это случилось в ночь с 3 на 4 февраля. Молодые патристы Анголы повторили подвиг товарищей Фреджа Кастро, которые за восемь лет до этого атаковали назармы Мондана.

20 дней молчали об этом подвиге колонизаторы. Они боялись, что слух о нем, словно искра, зажмет пожар народного восстания. В те дни меня не было в столице. После народных манифестаций в Луанде я бежал от преследований полиции в северные районы страны. Там, на границе с Конго, я работал подобным рабочим в порту. Вечером 24 февраля, когда порт затих, ко мне пришел мой товарищ и рассказал о сообщении радио Луанды. Как мы завидовали этим смельчачам! Как нам хотелось снова пойти в бой вместе с ними!

Колонизаторы не случайно молчали об их подвиге целые двадцать дней. Они готовились задуть это восстание в самом зародке. Из Португалии в Анголу прибыли тысячи солдат. По всей стране шли аресты. Но искра уже породила пламя — население северных провинций, услышав о подвиге молодых героев, поднялось на борьбу. В джунглях появились первые повстанческие группы. Я и мои товарищи решили, что пришло время и нам браться за оружие. Тогда же среди племен Севера возникли первые организации МПЛА («Создана населением Анголы»). И следовательно, у его руководства появились люди, которые только мешали нашей борьбе. Лидер МПЛА Роберто Холден открыто выступил за союз с США, а затем и с Чомбе. Холден и его сторонники только на словах выступали за борьбу с колонизаторами, а на деле помогали им. Уповцы намеренно разжигали племенную вражду, навравали северные племена на подполчиликов, пришедших в эти районы с Юга, и нередко шли на прямое предательство.

Скоро я понял, что с УПА мне не по пути, и бежал через границу в Конго (Леопольдвилль), где в это время уже действовала партия МПЛА («Народное движение за освобождение Анголы»). Я вступил в эту партию в трудное для нее время. Правительство Адулу мешало нам, вслескии поддерживало Холдена. Холден отказался от союза с МПЛА, и нам не удалось объединить свои силы с повстанческими группами северных племен. Вскоре установился в Леопольдвилле стала совершенно невыносимой, и наша партия была вынуждена перенести свой центр в Браззавиль. Там мы организовали свой первый отряд в составе 24 человек. В конце 1963 года он прорину на территорию Кабинды, северной провинции Анголы. Настагда и заложил основы движения. Я родился на родине. В руках у меня была винтовка, и я шел по родным джунглям веди, а с верными друзьями. Может быть

это и был исторический момент — ведь именно с этого началось широкое партизанское движение в Кабинде. Всего через четыре дня после перехода границы полиция узнала о нашей отряде. Уповцы не дремали. Намстичу нам из Массабы и Кабинды вошли две роты полицейских. Мы были уже в сороби, километрах от Массабы, когда дозорные передового отряда врага оплкнули нас. Мы залегли. Тогда португальцы открыли огонь. Завязалась перестрелка. Бой шел на открытой местности, и через четыре часа наш командир приказал отряду отходить в джунгли. Там португальцам было труднее действовать. После небольшой передышки мы снова открыли огонь. Бой шел до темноты. На рассвете мы первыми напали на карателей. В это же время шесть наших партизан пробрались и мосту через ущелье на дороге между Массабой и Кабиндой. Мы решили взорвать его, чтобы и португальцам не подходить подкрепления. Как только раздался взрыв, они сразу же начали отходить к мосту, и там начался местный бой. Шесть партизан сдерживали натиск целой роты. Вернулось на станию только пятеро. Одно нашего товарища, Антонию Матеуса Суарми, португальцы захватили в плен. Его пытали. Требовали указать, где укрывается отряд. Но он ничего не сказал. О нашей столице полиция узнала от уповцев. Мы не оставили подолгу на одном месте, и когда португальцы вышли, оставленным шалахам, они никого не нашли. Мы напали на них совершенно неожиданно там, где нас не ждали. И снова был бой. Португальцы потеряли за эти дни десять человек убитыми, среди них одного офицера и одного сержанта. Нам же осталось двадцать два. Кроме Суарми, мы потеряли еще одного товарища. Он погиб в бою.

Так закончилась первая неделя в родных джунглях. Получив уже не поминала этот район. В Кабинду подошли войска и из других провинций. Но начало движения было уже положено. В джунглях появились новые отряды МПЛА, и уже мы наступали, а каратели приходили обороняться.

Сейчас почти половину территории Кабинды контролируют наши отряды. Глава о побед МПЛА разнесится по джунглям, селам и городам Анголы с быстротой молнии. Люди, надеющиеся смотреть на Север, где разгорается жаркое пламя борьбы за свободу нашей родины.

Мы знаем, что мы не один боремся сегодня за свою свободу. Осободительная борьба идет в нескольких странах Африки и в странах Латинской Америки. Сегодня никогда не отойдет от нас движение всех, кто сражается за свободу, мир и демократию на нашей планете. Я знаю, что народ Анголы и народы других стран Советского Союза и во всем мире. Я побратим бориную их и обещаю твердо: мы победим!

С 1961 года я член Африканской партии борьбы за независимость «Португальская Гвинея и островов Зеленого Мыса». Именно название нашей партии говорит о том, почему в других странах вспыхнула освободительная война, почему весь наш народ от мала до велика поддерживает партизан.

Люди идут в наши отряды, потому что земля ненавистна колонизаторам зреют в их сердцах детства. Я знаю это по себе. Я родился в провинции Бишу недалеко от столицы в семье бедного крестьянина. На маленьком клочке земли от себя рис, изюнку и выращала апельсины. Не для продажи, конечно, а только для того, чтобы прокормить свою семью. Деньг у нас никогда не было, и об учебе думать не приходилось. До 15 лет я не знал, что такое школа. Буварь, тетрадь... Чуть ли не в первых шагах я помогаю отцу в поле. Потом мне все же удалось научиться писать и читать.

Я перешел в станицу и там на авиацию Бишу-Ново получил работу на безжалостно.

В станице я узнал самых разных людей — и белых и черных. Португальцы не срыпали своего презрения и нам. Для них мы были только рабами, низшей расой, для нас у них ходила только черная работа. Когда я устроился на работу, многие считали, что мне повезло. Действительно, ведь это был кусок хлеба. Но мало кто знает, сколько пришлось мне вынести унижений и оскорблений за это время.

Когда я познакомился со своими первыми товарищами по партии, я уже знал, что мое место — не там, где идет борьба, и вступил в партию не колеблясь. Партия в то время была в подполье. Агенты сапаларовского охранки (ПНДЕ) безжалостно распространялись с революционерами.

Козими безжалостно скоро что-то произошло. Я приходил только на работу и сразу же после смены уходил и все свободное время проводил со своими товарищами по партии. Мы собирались ночами на конспиративных квартирах на собрания, беседовали с людьми, печатали на ротаторе листовки. По утрам после таких собраний наши листовки люди находили в корзинах с провинией, в почтовых ящиках, на стенах домов и витринах магазинов. Скоро хозяин увидел меня и, видимо, донес в ПНДЕ. В это время наша партия обратилась и привлекла к своему делу все, кто был способен предоставить свободу нашей

родине. В ответ на это Салазар прислал в Гвинею новые войска. По всей стране прокатилась волна арестов. Агенты ПИДЕ уже давно следили за мной, и я решил уехать и отцу в деревню. Дело началось в Жире. Я и моего отца в поле, а вечером беседа с крестянами. Сноро ПИДЕ авмения, и мы пришлось ехать. На следующий день после моего побега полицейские ворвались в Ашш доми, переворачивали его вверх дном, но ничего не нашли. Тогда они забрали отца и бросили его в тюрьму за заложника. «Мы выпустим тебя тогда, когда ты скажешь, где твои связи», сказали ему в ПИДЕ. Но отец действительно ничего не мог и связаться с бросили в тюрьму. Мы же равно бы меня не выдал. Спрятаться в Гвинею было трудно. Через дюгитин боев в Сенегал и вернуться в родину, когда там началась партизанская война. Салазаровцы извещали. Они выжигали целые деревни напалмом, безжалостно расстреливали мещанин, стариков и детей — всех, кто помогал партизанам. Но борьба продолжалась, и скоро мы научились бить салазаровцев.

Не так давно я встретился с ними бою в освобожденном районе Момбассе. Где находилась наша центральная база. Португальские войска решили захватить этот район. Мы узнали о планах их наступления и начали готовиться к обороне: строили засады и ловушки, закладывали мины на дорогах, рыли окопы. Первый бой с карателями продолжался почти два дня. Мы не удалось прорвать нашу оборону, и они отошли, потеряв много убитыми и ранеными. У нас потери были совсем небольшие. Но мы знали, что главное испытание еще впереди. На помощь разбитому отряду подошли подкрепления из Бисау, Мансо и Мансабара. Против нас выступало уже около двух тысяч солдат. Первые части подошли к Моросу ночью, и скоро и наши позиции обрушились огонь минометов и пушек. Утром появились вертолеты, которые Салазару посылалют американцы. Целью дня горели дюгитин каратели на железных путях и напалма. Это время наши отряды с восточных баз по потайным тропам в дюгитин зашли в тыл карателей и перерезали им пути отхода. Как только мы узнали об этом, мы сразу же перешли в контратаку. Салазаровцы не выдержали и начали отходить. С тыла в флангов их встретил огонь наши товарищи с восточных баз. Каратели попали в ловушку. Осомки попали в ногу. Только через несколько дней в госпитале я узнал, что Морос остался нашим.

Сейчас мы освободили уже сорок процентов территории страны. Столица Бисау отразила от внутренних районов. Там, где власть находится в руках партизан, мы, как сказал генеральный секретарь нашей партии Амилар Набрал, «действуем уже, как настоящее государство». Недалеко отсюда, когда мы полностью освободили нашу родину, и она уже никогда не будет называться ненавистными нам именем «португальская».

Борьба за свободную Гвинею в наступлении.

Горят факелом гнева в го-рах Венесуэлы.

Рикардо РОДРИГЕС,
член руководства
«Левого революционного
движения»
ВЕНЕСУЭЛА

НАЗЫВАЙТЕ МЕНЯ РИКАРДО

Последние тринадцать лет товарищ по борьбе зовут меня Рикардо. У меня было другое имя, в основном его зноут, когда Венесуэла станет свободной, когда моей родиной будет управлять народ, а не монополия денег. За это мы сражаемся сегодня с оружием в руках.

Я пришел в революцию в то время, когда нашей страной правил кровавый диктатор Перес Хименес.

Борьба никогда не бывает легкой. А в те годы наш, революционерам, приходилось особенно трудно. Агенты диктатора рыскали всюду, бросали в тюрьмы всех «подозрительных». Но, несмотря ни на что, движение наше росло и крепло. Мы учинили революцию на демонстрациях и забастовках, в стычках с полицией.

В 1957 году я руководил демонстрацией студентов в рабочих в городе нефтяников Тинако. Как было человек 500—600. Мы вышли на улицы с плакатами «Долой диктатора!» и «Свободу Венесуэле!». Полиция Хименеса встретила нас огнем. Многих ранены. Многих арестовали. Я сам попал в тюрьму два месяца и вышел оттуда только в январе пятнадцатого восьмого года, когда диктатор свергли. Он удрал и скрывался в США, прихватив с собой из государственной казны тринадцать миллионов долларов.

Прошел год после переворота. В приехал в Каранас. В столице было неспокойно. В народе росло недовольство правительством Бетанкура. При нем почти ничего не переменялось. Все обещания его так и остались на бумаге. Страна по-прежнему оставалась вотчиной американских нефтяных монополий, по-прежнему миллионы долларов вымывали из наших недр рено, по-прежнему народ жил в нищете и бесправии.

И раньше не было революционных в сакх листовках, газетах и плакатах мы рассылали народу правду об этом двуличии. Но одних бесед было мало. В 1960 году я вступил в «Левую революционную движенье». Это боевая организация. Мы не только печатаем и распространяем листовки, организуем митинги и демонстрации. Мы идем в горы, в поля, в деревни, в тыл до поры. И вот оно пригрозилось в октябре и ноябре. В Каранасе мы вели наступление на карателей, полицию, милицию и полицию. Но силы были неравные. Нам пришлось временно отступить. В подполье мы начали готовиться к новым боям.

Сначала нас было немного, только небольшие вооруженные группы в городах и селах. Но с каждым годом борцов становилось все больше и больше. Мелкие вооруженные группы скоро превратились в постоянные партизанские отряды. Вооружился народ — студенты, рабочие, крестьяне. Мы уже не были беззащитными и на территории отчаяли огнем.

В январе 1962 года я участвовал в забастовке рабочих городского транспорта в Каранасе с рабочими. Правительство отказалось выполнить требования забастовщиков, против нас выступили каратели, Бетанкур послал против нас войска.

Мы встретили их огнем. Эта маленькая война продолжалась три дня. Три дня мы удерживали в своих руках целый район столицы, и только на четвертый день нам удалось его занять.

После выборов 1963 года и власти пришло правительство Леона Превенте. Рональду Бетанкура довольно скоро объявили себя сторонником «шестой линии». Тысячи политических заключенных были брошены в тюрьмы. На справедливые требования масс полиции и воюющая отделили насилием и террором. В начале 1964 года меня арестовали. Полицией «дринт» промывали по ночным улицам Каранаса втыкал в тюрьму Лоскачагаровос. Я понял, что попал в лапы «Диктепола» (венесуэльский политический полиция. — Ред.). И мевольно мысленно я мыслю: «Может быть, это монета». Ведь в подполье «Диктепола» творятся страшные вещи. После той забастовки в Каранасе в лапы «Диктепола» попал мой товарищ Хосе Григорий Родригес. Палачи зверски избивали и пытали Хосе, а потом сбросили его с шестого этажа терракотового здания.

Меня заперли в небольшую камеру, где было полно политзаключенных. Много попали сюда после допросов и пыток. В камере невозможно было прилечь. Сидели и то с трудом. Меня вызвали на допрос в ту же ночь. Спрашивали обо мне, о моих товарищах по «Левому революционному движению». Я партизанам из ФАЛНГ. Они стали бы, думаю, поняли, что ответа от меня не дождьтся. Очнулся я уже в камере. В тюрьму меня опять вызвали и показали протокол допроса одного из моих товарищей, который якобы признался во всем и точно указал, что и когда я делал для революции. Но это была провокация. Потом я узнал, что это обычный для «Диктепола» психологическая обработка политзаключенных. У палачей разработана целая серия пыток, моральных и физических издевательств. Они ничем не гнушаются из того, чтобы выпить признание у своих узников. Когда народ узнал правду о подпольных «Диктеполах» где погибли лучшие сыновья и дочери Венесуэлы, по всей стране прокатилась мощная волна протестов. Народ требовал ликвидировать «Диктепол» и всех вышедших бы дать обещание провести расследование и «лаборировать» свою охрану. Но это была ложь, за которую заплатили жизнью сотни борцов.

В «Диктепола» я вышел только через три месяца. Несмотря на пытки, издевательства и провокации, полиция не удавалась составить протокол моего признания. Но охраняя предпринял меня, что за мной следит. Я вернулся на нелегальное партизанское подполье нахомус в подполье.

Борьба наша продолжается. Это борьба диктатора, рассчитанная на один год. И ФАЛНГ, помимо компартии, имсомела и «Левое революционное движение» — триединный сейчас все прогрессивные силы страны. Растет партизанское движение. Только штата Фалькон, где действует отряд имени Боливар, в эту минуту было освобождено десять населенных пунктов. Полиция не может гарантировать безопасность в горных районах. Каждую минуту его подстерегает партизанский путь.

Мы верим, что за нами пойдет весь народ. Вся Венесуэла поднимется на борьбу против империализма и реакционных сил, которые грабят нашу страну, против тех, кто зверствует сегодня во Вьетнаме и Доминикане, Республице.

Мы знаем, что в нашей борьбе мы не одиноки. С нами весь социалистический лагерь во главе с Советским Союзом. И в этом залог нашей победы и освобождения нашей родины к свободной или умереть за Венесуэлу!

ИЗДАНИЕ «СОЦИАЛИЗМ»

машине и Прославскому вокзалу и шофер предложил помочь донести чемоданы.

— Давай, — согласился Игорь. — А я — все. Больше ваян не надо.

Не выходя из машины, друзья обнялись, и Игорь вылезал за шуткой тревогу, с деланным смехом сказал:

— Ну, ну ты прости, если что не так было. Не выходи из машины, друзья обнялись, и Игорь вылезал за шуткой тревогу, с деланным смехом сказал:

Виталий невольно нащупал в кармане старенький кошелек, на котором висели монетки «Маяков». Наличие такой «лушчи» можно было в случае чего легко объяснить. Впрочем, объяснение уже отдалека. Виталий был человеком безотказно. Опытный эксперт из научно-технического отдела проверил, все ли последователи и Виталий отстранил его вчера на слуху.

Игорь оставил еще раз проверить детали. Нет, никаких изменений не обнаружено.

— Мама меня так не проверяла, когда первый раз в школу шел, — пошутил Виталий.

— Виталий, выходи из машины, — проворчал Игорь. — И смотри в оба, не зевай! Ни лису подкарауливать, ни тундру не поймаешь.

Он вышел из машины первым и изгибно исчез в сумятице белой привокзальной толпе.

Тащить чемоданы было трудно, они оттянули все руки, пока Виталий и шофер не развлекли машиниста на время одного тона.

— Намни у тебя так, что ли! — отдувался, спросил шофер, ставя чемоданы на полку.

— Сolidный пассажир, чего ты хочешь! — усмехнулся Виталий.

— Уж сонный же нуледа, — пробормотал шофер, критически оглядев потрепанное пальто, явную полку разношерстных и разноцветных вещей в тумбе. Наряд это так контрастировало с тем, как обычно одевался Виталий, что шофер не нашло, что еще сказать, но, чувствуя все тревожность киник-то неведомых событий, которые ждали этого парня, терпеливо и сочувственно замолчал.

В общем, главное — счастливое тебе возвращение!

— Это верно, — серьезно согласился Виталий.

Он достал билет, показал его проводнику и, когда тот сделал пометку у себя в списке, привалился.

— Помоги уж затолкать их в вагон, что ли. Это так трудно закинуть чемоданы в самую верхнюю полку, и шофер, попорочившись, ушел.

Виталий закурил и стал у окна.

По сторону сидели люди, держащие багаж, вели детей, возбужденно кричали что-то, прощались, смеялись, плакали, говорили, а Виталий не слышал ни одного слова друг другу. Носильщики в форменных серых фуражках катили доверку нагруженные тележки. Звучно расписная белая путь в толпе.

До отхода поезда оставалось минут пять. Виталий попытался найти на перроне Игоря, но его нигде не было видно. А он, конечно, был где-то здесь, и Виталий был уверен, как ни в том, что это совершенно напрасная трата времени. Ну его совсем деле, надевая проводника.

И в этот момент он вдруг увидел Лоду, Лоду Данилову, вероломную Васильну подругу! В первый момент Виталий не поверил в глаза. Как она могла тут оказаться, зачем? И невольно с тревогой забилось сердце. Неужели это — она?

— Момент быть, Васма испугалась? Момент быть, хочешь предупредить о чем-то? Тогда надо подойти к Лоду. Нет, Покойти он не верюет, и ни о чем спросить тоже не может. Ее заметит Игорь и, момент быть, узнает, в чем дело. Но тут Виталий вспомнил, что Игорь не знает Лоду Данилову.

Что же делать?

Между тем девушка с явным нетерпением приближалась по перрону, то удалялась, то приближалась и вагону, где была Виталий. Но при этом она, казалось, никого не искала и никого не ждала. Это уже было совсем странно.

На секунду Виталие мелькнула мысль все-таки выйти из вагона и подойти к Лоду. Ну, слово бы случайно увидела ее. Надо же узнать, в чем дело? Момент быть, так, в Снежинске, что-то произошло? Момент быть, Косой уже в Москве! Или что-нибудь вышло? Облет! Или еще хуже — и его ждет в Снежинске провал?

Виталий с бьющимся сердцем стоял у окна, не знал, на что решиться.

Нет, выходить нельзя! Будет что будет. Он пригрозится ни о ком, даже самому худшему. Не пропалет черт возьми! И он пощупал в кармане нагана. Холодный металл под пальцами почему-то всели спокойствие.

Поезд медленно тронулся. Поплыл за окном ночной перрон. Виталий не отрывал глаз от Лоды. Та останавливалась в толпе провожающих и равнодушно помахала рукой вслед уходившему поезду.

Виталий отвернулся от окна и оглядел своих пассажиров.

Пожилый толстый человек в очках, хмурясь, что-то записывая в блокнот. Напротив шептались молодые пара, явно обнимая друг друга наедине. Где-то рядом плакал ребенок, и слышен был надтреснутый голос матери. На соседнем полках расположились шумная студенческая компания, откуда неслись веселые голоса и взрывы смеха. У соседнего окна тихо беседовали два офицера.

— Девка, девка, — подумал Виталий, — у всех людей свои. Но танго, как у меня, больше навоевано, ни у кого нет». Он вдруг подумал о своих, там, в Москве. Отец в это время, конечно, читает «Истины», и мама не доздается его умирать. «Твое «сейчас» меня когда-нибудь сведет с ума», — как обычно говорит она ему. Мама, прощаясь, Виталий, почему-то на этот раз особенно виновалась. И чего она только не совала ему в спортивную сумку, которую Виталий потом зануил через плечо Эх, мамуля! Знала бы ты, куда и зачем поехал твой сын, умерла бы от страха.

Но Виталию страшно не было, только все время был какой-то нервный озноб и без конца хотелось курить. Да чего это он в самом деле? Все продумано до мелочей, и все будет в порядке. Это же редкая удача — проинунуть в это логово и не только разыскать Косого, но и узнать, черт знает сколько еще полезных вещей! Недаром так уважались за эту комбинацию снежинские товарищи.

Правда, адрес их суетли, и они ничего не могли сообщить о тех людях. Чем связан с ними Косой? Да, интересно, черт возьми! Скорей бы уж!

Бойкая, совсем молоденькая проводница, отвечая на шутки пассажирам, раздала мешочки с постельными бельем, предложила чай.

Было уже совсем поздно, когда посленно зашли вагон. Пригас свет, замигали слабые ночные лампочки в проходе. В полутьме шептались пара на нижней полке, на другой складно похорывали попойкой пассажиров, заснуву руин под подушку, где лежал портфель.

Вагон покачивало, ритмично постукивали колеса под полом, из-за окна доносились свистки паровозов, и прозянчиво посвистывал ветер.

Виталий думал на своей верхней полке и не мог уснуть. «Надо спать», — говорил он себе. — Непременно надо спать. Незнакство еще, придется ли спать завтра. Надо сейчас же заснуть». Но как ни вращался, как ни устранился на местном матраце, сон не приходил.

Потом мысли незаметно перенинулись на другое. Интересно, какой из себя этот Косой? Это, конечно, сильный парень, хитрый и волевой, если так подчиня себе Васку и не только Васку.

И у него там в Снежинске, конечно, больше связи. Все это тоже хитрые и опасные люди. И раз-

ные. Их надо было раскусить, найти подход. И еще найти остальные вещи, их много. Два чемодана, которые везет Виталий, только прикинь. Да, всему этому его не учили в институте. Ох, на него дальше казалась сейчас академические времена, когда все в его будущей работе представлялось простым и ясным, разбитым по параграфам учебником, и каждая полученная на экзамене пятерка вселяла уверенность, что теперь уже ничего не страшно, теперь он отлично знает, как и что надо делать в том или ином случае. И оставаясь он при кафедре, как ему предали, он там бы и пребывал в этой уверенности и, может быть, даже диссертацию написал бы; Федор Кузьмич, вероятно, как всегда, невозмутимо прочел бы ее и равнодушно отомнил в сторону, а Игорь навскидку бы заметил: «Ну и тундра этот кандидат!»

Сон подбирался незаметно...

В Снежински поезд пришел утром.

Виталий медленно вглядывался в прогуливающиеся за окном дома, в большинство деревянные, с наличниками и террасками, стоявшие за невысокими бордюрами, старался запомнить улицы. На всякий случай, мало ли что...

Поезд наконец остановился у низкого перрона. К вокзалу уже было идти через пути.

Виталий, как usual, ниоткуда открыто не встречал, но увидеть его должны были. И он старался угадать в толпе тех людей, незаметно приглядываясь и омураживая. Но никто не обратил на себя его внимание. «Молоды ребята!» — подумал Виталий с легкой досадой на себя. Видно, не хватает ему еще наблюдательности.

Он с трудом, то и дело меняя руки, дотопил

«Третья хибара за оврагом», — как сказал Васья

АЛЬБОМ УРЬЕЗОВ

Американец Роберт Майер утверждает, что нашел действительное средство против икоты. Человек, на которого напала икота, должен встать в жесткую руку по зажженной свече и от одной до пятидесяти минут пристально смотреть на наперсток, подвешенный на нитке над его головой.

В 1932 году солистка французской оперы мадам Жени выступала на одном из Полинезийских островов. Однажды она увидела перед своим домом необычную процессию — несколько десятков туземцев, согнувшихся под тяжестью ноши. Оказалось, что три с половиной, двадцать три земчужины, сто двадцать четыре огромных бананов, 120 дынь, 44 курицы, 300 носовых платков, 1200 арахисов и столько же ательсовых гонимар австраис. Она была очень тронута вниманием и несказанно озадачена. Но на помощь пришла компания по заготовке национальных товаров, заменившая необычный гонимар законной монетой.

Американка Аделина Мери является обладательницей необычного рекорда. Ей пришлось 4300 раз позвонить в различные музыкальные рестораны, и в США нет ни одного журнала, где бы не появилась ее фотография с примечанием, что Мери — отличная пловчиха. Однако впоследствии выяснилось, что она, вообще не умеет плавать.

Губернатор испанской провинции Севегиа оштрафовал герцога Андреа Ферманда Гарсия на 5 тысяч песет за «непристойное поведение перед публикой». Гарсия во время торжества на арене сбил болтнок, чтобы вытряхнуть из него лещи.

У 114-летней Джемилы Ковач из села Градишча, возле города Зеница (Югославия), уже в третий раз после сотого дня рождения прорезаются новые зубы. Интересно, что Ковач никогда в жизни не обращалась к врачу.

На одном из островов Эгейского моря найдена глиняная плетка, относящаяся к 2500 году до нашей эры. На ней изображен кожаный мяч, санит, подобно современному футбольному мячу, из отдельных кусков кожи.

Французская транспортная полиция недавно ввела новую меру наказания для велосипедистов — нарушение правил уличного движения. Вместо денежного штрафа полицейские тут же на месте протест-напросто выпускают из обеих камер воздуха.

Один итальянский изобретатель разработал новую интересную инструкцию. Обувь должна сначала износиться, как и обычная. Но если вы не чувствуете сигнал, как автомобиль, лает собачкой, стреляет и, наконец, издает звук, напоминающий разрыв гранаты.

Известно, что обезьяны, населяющие скалы Гибралтара, похищают у туристов шляпы, фотоаппараты и другие предметы. Один английский турист, предупрежденный об этом, уделил много внимания окресткам мезвешего при нем фотоаппарата и держал его обеими руками. Однако одна из обезьян все же сумела снять с его носа очки.

Больше двухсот писем в день приходит в адрес английского писателя Колин Доуля, умершего в 1984 году. Все они начинаются словами: «Дорогой мистер Шерлок Холмс!»

В семье Фрих из теасского городка Бранч произошло радостное событие. У миссис Фрих родился дитя. Как известно, это — явление довольно частое, но дело в том, что маленькая Шелли Фрих — первая девочка, которая за последние триста лет родилась в роду Фрихов.

В Лондоне больше нести нет существует необычный клуб. Его основали люди, которые пережили свою смерть. В члены клуба пока принято пять человек. Двое — солдаты, которых бросили на поле боя считая мертвыми, и которые спустя двадцать часов доплыли до своих, вызвав похвальную панику. Трое — женщины: некая госпожа Петер, которая «умерла» во время операции и семь часов считалась мертвой, и сестры Моррисон, чья история особенно удивительна: одна из них была признана умершей и пролежала в море несколько часов. Когда она очнулась и явилась домой, ее сестра так испугалась, что потеряла сознание и пробыла три часа в состоянии клинической смерти.

Итальянскому рыцарю Гидраделло Гидраделли, погибшему на дуэли 26 марта 1501 года, в роду не пришло бы, что четыре с лишним века спустя его имя станет известным далеко за пределами Италии: при жизни он особых подвигов не совершил. После смерти Гидраделли по завещанию его сестры Бенедетты скульптор Туллио Ловарди сделал статую рыцаря, которая и по сей день находится в музее Академии изящных искусств города Флоренции.

Целую эту статую и восковая лепешка. Именного Гидраделли окрестили самым счастливым в мире мужчиной. Ради него в Равенну стремятся девушки и женщины всех возрастов. Ходит поверье, что, если статуя крепко поцеловать в губы, это принесет мужа и... семейное счастье. В городе на побережье Адриатика частыми гостями из других европейских стран. Говорят, что каменная рыцарь уже получил не менее трех миллионов поцелуев, другие называют большую цифру. Но в одном сомневаться не приходится: женщины целуют статую искренне.

Вечеру лицо стоиного рыцаря заметно розовеет... от губной помады, которую стесн музей Аджиде Поддзини ежедневно смывает спиртовым раствором.

Все модели к осенне-зимнему сезону разработали художники отдела одежды специального художественно-конструкторского бюро. Авторы моделей художники: Э. МЫШЛЯЕВА, Н. ВАСИЛЕНКО, Г. БУРОВА, Н. ЛЫСОВА, Ю. ДЕНИСОВА. Конструкторы: З. ФОМИНА, Г. МЕЛЬНИКОВА, Т. ДНИКИНА, Т. МЕИС, Л. КАРАСЕВА, Г. ЖИГАЛОВА.

ИСКУССТВО ОДЕВАТЬСЯ

А. ЛЕВАНОВА,

художник отдела одежды
специального художественно-
конструкторского бюро

Фото М. МУРАЗОВА

Часто можно слышать, что мода наприказ. Это неправильно. мода имеет свои законы, близкие и знакомые, по которым развиваются все виды искусства. Нам всегда, новое отрицает старое, а очень старое кажется интересным. Потому мода как бы возвращается или пользуется материалами данного прошлого. Нам, правда, вещи вчерашнего дня кажутся неактуальными, а созданные столетия назад — привлекательными и даже романтичными. Современная мода международная, но в каждой стране народный вкус, народные традиции накладывают свой отпечаток на одежду. Когда-то национальные костюмы складывались из лучших образцов народных украшений, позднее они испытали на себе влияние города, новой техники и новых материалов. То же самое происходит и сейчас, только темп изменений значительно ускорен. Новая техника, новые материалы вносят диктуют новые формы одежды. Еще вчера, например, плетированная юбка была предметом роскоши и шестидесяти, а сегодня благодаря синтетическим материалам она стала массовой одеждой девушек.

Современную моду придумывают художники, но настоящие творцами, законодателями мод остаются все-таки широкие народные массы. В нашей стране это в основном молодежь, особенно чуткая и повлиению нового. А на Западе все модные тенденции несут люди среднего возраста, располагающие деньгами, возможностями.

Я считаю, что главное в моде — это понимание современности. Но каждый момент и должен увидеть, угадать ее для себя по-своему. Здесь очень важна ваша общая культура, понимание цвета, формы, то есть хороший вкус.

Если, что в школе, изучая литературу, ученики редко обращают внимание на описание костюмов героев книг. Описание костюма порой дает читателю важную характеристику для понимания образа героя. И соответственно, в нашей современной литературе вы редко встретите подобного рода характеристики персонажей. А если кто и упоминается, так только плащ или пальто, как будто это весь наш туалет. Не знаю, отчего это происходит. То ли от неумения видеть, то ли

1. В дождливую и пасмурную погоду можно надеть плащи из ткани «болонья» или марюеновые плащ с медным рисунком в мелкую клетку.

3. Молодежь уже оценила стеганые пальто из acetateного шелка с водоотталкивающей пропиткой: они теплые, удобные.

5. Реконструируем элегантно и дешево костюм. Бузика из ткани «оремак», этой же тканью отделан жилет.

Удобный и практичный ансамбль: костюмчик из шерстяной юбки и куртки с шапочкой из искусственной замши.

6. Эти модели можношить самим из мягкой недорогой ткани или драпа. Остаток ткани использовать для капюшона или берета.

7. Там начинается работа над моделями одежды. Это эскизы моделей мужских комбинированных курток и сорочек. Они будут удобны для работы и практичны в носке.

Западе неряшливо одетая и непричесанная девушка вряд ли найдет себе работу. Отсюда и результат. У нас другие социальные условия, но нужно, чтобы мамы, родители, и школа учили подрастающих девочек умению одеваться, вернее, хорошо ухаживать за собой. Тогда, затратив на одежду немного денег, вы будете выглядеть элегантно и красиво.

Что сказать о моде сегодняшнего дня? Она, как всегда, предлагает варианты. А вы должны из нее выбрать то, что подходит именно вам — длину ваших глаз, волос и особенно вашему характеру, образу жизни. Повторяю, модели создадут художники-модельеры, а делаете моду вы, модельеры.

Все наши модные журналы, как правило, описывают парадоксы одежды, и у многих она действительно красивая. Но умеете ли вы так же тщательно заботиться об одежде — в турнистского похода? Для льна? Для дождя? Ведь она будет служить долгие годы, а мода в ней меняется медленно! Почему-то считают, что идти в лес или в поход можно в любой старой одежде, которую уже нельзя надевать в городе. Конечно, много читателям турнистских тропинок ввиду введения в синих сатиновых шароварах, плаще, который неплещется изредка в новое платье, и в желтоватых куртках, оставшихся со школьных времен и мучивших в трусиках, напиханных паруса, и черных, выцветших рубашках. А вот мой из льна мы видим самые фантастические костюмы, по которым можно изучать моду последних нескольких лет. Это — отсутствие всякого украшения и себя, и окружающих, и бы сначала, и красоте нашей природы. Пренебрежение к костюму на пляже или в походе говорит об отсутствии элементарной культуры.

Отправь на свой опыт и опыт коллег, советуя обязательности сходить в гардеробе следующие вещи (безусловно, у каждого могут быть поправки и дополнения).

Деловая одежда: юбка, две-три бузика, жакет. Туфли и сумка жалетельны в тон.

Мы предлагаем юбку и бузика как наиболее эвоничную и разнообразную форму одежды. Сумка не должна быть пляжной. Остерегайтесь покупать красивые или модные туфли, они нуждаются в специальном подборе туалета и аксессуары.

Халат для работы, если это требуется.

Халат для дома, домашние туфли и, конечно, фартук (но только не обносик от прошлых годовальных платьев).

В театр и в гости можно пойти в рабочей бузике и наглаженной юбке. Если вы собираетесь их носить? На работе? Дома? В театре? Мы почему-то думаем, что, только отправившись в гости или в театр, надо быть хорошо одетыми. А в остальное время? Мы должны быть хорошо одеты — утром и вечером, дома и на работе. Это и называется культурой одежды. Я иногда слышу вот на Западе действительно хорошо одетыми. А это не есть такая игра. Остановившись у магазина одежды у девочки загорается глаза и она показывает на створочном парадном платье. «Нет, отечественная материя», — ты должна на эти деньги купить платье, туфли и сумку на все случаи жизни, то есть на каждый день, Дунай и Сообразная». Вот так, а детства учат ценить правду, а не лезть в кармане с возможностями, заботиться о своей внешности. На

подумать, как будет сочетаться новая юбочка или платье с туфельками или сумкой, которые у вас уже есть. Или собирать их некуда? На работе? Дома? В театре? Мы почему-то думаем, что, только отправившись в гости или в театр, надо быть хорошо одетыми. А в остальное время? Мы должны быть хорошо одеты — утром и вечером, дома и на работе. Это и называется культурой одежды. Я иногда слышу вот на Западе действительно хорошо одетыми. А это не есть такая игра. Остановившись у магазина одежды у девочки загорается глаза и она показывает на створочном парадном платье. «Нет, отечественная материя», — ты должна на эти деньги купить платье, туфли и сумку на все случаи жизни, то есть на каждый день, Дунай и Сообразная». Вот так, а детства учат ценить правду, а не лезть в кармане с возможностями, заботиться о своей внешности. На

вы не должны быть рабами моды. Молодой человек, одетый точно по модной картинке в журнале, вызывая ироническую улыбку, такую же, впрочем, как и тот, кто вообще пренебрегает модой. Рассказывая, что в Японии, прибыв в Олимпиаду и зайти в праздничной толпе беговые одетых родосских конюшей, воскликнул со смехом: «Это спесь!». Затем философ столкнулся с группой юной в тонированной и спортивной одежде. «Это тоже спесь, но много рога!» — сказал он.

Итак, следующий день думать только о нарядах. Одежда надо уделять столько же внимания, сколько, например, чистке зубов. Но когда вы собираетесь купить себе новые платье, пальто, сумку или туфли, это следует делать продуманно, разумно, а бы даже сказала, лавиною. Не понимаю тех девушек, которые все самосбережения тратят на покупку одного красивого платья. Сколько раз в году одежу вы надеваете? Два-три раза. А в остальные дни? Будете ходить как попало. Разумно ли это?

Прежде чем вы пойдете и как сп,

от непонимания важности костюма для создания и оценки образа. Репетитивно проделать такой опыт. Сфотографируйте несколько раз, поразному надевая берет или платок. На фотографии вы увидите, как меняется ваш облик от того, как надевает берет или повязан платочек. Конечно, все это можно проделать и перед зеркалом, но тогда впечатление быстро сотрется, а фотографии вы можете сравнивать и делать соответствующие выводы.

...Вам понравилась платье подруги. Но из этого вовсе не следует, что оно подойдет и вам. Важно помнить, что одежда должна помочь вывить ваш образ, найти правильно характеристику, но не больше. Мало радости, если на равну обращают больше внимания, чем на картинку. Нужно всегда стремиться к простоте в одежде. По моему мнению, нужно больше говорить не о моде, а о культуре одежды. В моде каждый сезон что-то меняется, а понятие хорошего вкуса, обща культура одежды создается годами, даже веками, и ее законами не следует пренебрегать. Прежде всего

ВРЕМЯ
РАСКРЫВАЕТ ТАЙНЫ

ФАЛЬШИОМОНЕТЧИКИ

Телеграфист небольшой станции Сванка, Мурманской железной дороги, Запалов увидел, как в окошечко прокумуса пухлая волосатая рука с бланком перевода и тремя новенькими червонцами. Он посмотрел деньги на свет и начал было уже выписывать квитанцию. Потом откинул карандаш и снова внимательно просмотрел на червонцы. Банкноты совсем новые, но что-то у них не в порядке. Почему, например, на обратной чистой стороне каждого червонца так отчетливо проступают буквы и узорчатый орнамент лицевой стороны? Бумага и водные знаки тоже какого-то необычного цвета — темно-желтые. Минуту поколебавшись, Запалов позвонил в урядовский, и обладатели фальшивых червонцев арестовали. Сам того не подозревая, Запалов помог советским чекистам раскрыть крупный международный заговор.

Следствие началось осенью 1928 года. При обыске у отправителя нашли

По материалам книги Альберта Нордена «Фальшиомонетчики». Берлин, 1963 г.

еще 3 тысячи таких же фальшивых банкнот, которые, как он завладел доделато, ему передал его зять, бывший офицер царской армии Федотов. Выяснилось, что Федотов часто принимал у себя на квартире некоего Шиллера, жено бывшего офицера. В ноябре 1928 года Шиллера арестовали. Оказалось, что также венного поезда был мажорант германским шпионом. От своих коллег он получил огромную сумму фальшивых советских денег. Организаторы заговора рассчитывали с помощью фальшивомонетчиков убить сразу двух зайцев — финансировать нелегальные контрреволюционные организации и одновременно подорвать валютную систему Советского Союза. Арест Шиллера и членов его белогвардейской группы сорвал эти планы. Но оставалось выяснить самое главное: кто и где делал деньги? Какие силы вдохновляли заговор?

На след фальшивомонетчиков германских шпионов вышла летом 1927 года, когда в начале августа был арестован некий Беркман, пытавшийся обменять в одном берлинском банке поддельные банкноты на германские марки. От Беркера следы вели

к грузинскому бездомнугру Задагиршвили, проживавшему в Мюнхене. Однако при обыске арестованного не удалось. Вместо него задержали бездомнугру Карумидзе — он жил в квартире Задагиршвили. После небольшого допроса в полиции Карумидзе отпустили, и он немедленно информировал своих сообщников о случившемся. Задагиршвили собрался было бежать, но был в последний момент арестован во Франкфурте-на-Майне. В его чемодане нашли следы печатных клише для изготовления советских бумажных денег. На допросе выяснилось, что фальшивые червонцы печатались в одной монхенской типографии; несколько позже фальшивомонетчики перевели свое предприятие во Франкфурт-на-Майне; там они чувствовали себя более уверенно. Дальнейший выпуск поддельных банкнот взял на себя торговец нацистской литературой Белье, который поставил Задагиршвили на широкую ногу. Так, если осенью 1926 года в монхенской типографии было изготовлено 15 тысяч банкнот, из которых 12 тысяч нелегально попали в СССР, то во время обыска в августе

1927 года во франкфуртской типографии было найдено не менее 20 тысяч полуготовых червонцев и, кроме того, стопы бумаги, которой хватило бы на изготовление еще 1200 тысяч фальшивых банкнот. Как видно, операция была задумана очень широко.

Итак, первый вопрос — кто и где делал деньги — был решен. Оставалось узнать, какие силы стояли за спиной преступников. Но здесь германская полиция сломалась: изслед с мелкой сошкой, вроде Беркера, выплила акулы покрупнее. Следствие пришлось срочно поворачивать, и только через 30 лет удалось раскрыть в архивных сведениях о том, как вдохновлялись и разрабатывались операции с фальшивыми банкнотами.

В конце 1925 года в парижском ресторане «Le Roy» собрался не совсем обычный общество. Гости не были похожи на французов, и в то же время нельзя было назвать их англичанами, хотя разговор шел в основном на английский язык. Вышпеленные гарсоны, обслуживавшие хорошо одетых джентльменов, и не подозревали, что в ресторане собралась первая международная конференция заговорщиков. Лишь времени они узнавали из газетных статей: «Кажется, «большевизм», нефть».

Среди участников этой странной конференции находились: шведский миллионер Нобель, владевший в царской России монхенскими нефтяными предприятиями; выразитель интересов наиболее агрессивной части германского генералитета генерал Гоффман; бывший банкир, грузинский белый эмигрант, а по совести — русский индустриальный магнат Карумидзе; его подручный, сын крупного грузинского помещика Задагиршвили; один из лидеров грузинской эмиграции, председатель так называемого «Кавказского комитета» Кедиа, и господин Белл — прожженный авантюрист, международный шпион высокого класса, имевший доступ в интимные круги национал-социалистической партии. Тем задавал Нобель: ведь за его спиной незримо стоял нефтяной король Европы сэр Генри Деттердинг — хозяин всемогущей нефтяной корпорации «Ройял Датч шеллу». У сэра Генри были самые причины ненавидеть Советскую власть: «Ройял Датч шеллу» контролировала до революции добрую половину нефтяных месторождений Баку

ЕЩЕ ОДНА ЧЕТВЕРКА ПРЕТЕНДЕНТОВ

Если весной в первой группе претендентов на мировую шахматную корону состав был стопроцентно советским и наши патристические чувства при любом исходе поединков оставались удовлетворенными, то летние состязания в Югославию, во втором «забеге» претендентов, заставили нас нервно заново оценивать. Здесь был лишь один наш представитель — Михаил Таль. В остальные представляли Венгрию — Лайош Порци, Югославию — Борислав Ивков и Данию — Bent Ларсен.

Конечно, «послушной» спонсор — экс-чемпиона мира М. Таль захватывала, не

жели у его соперников, но в шахматах бывшие триумфы были более и более явственны перед конкретной спортивной формой «сегоднешнего дня». А у В. Ивкова и Л. Порциана в агитке были самые красивые и интересные моменты международного турнира в Загребе, где югослав оборотил не только более дюжины гротескостепро, но и «самозет» Т. Петросья, а венгг победил чемпиона мира в личной встрече. Самые блестящие достижения на последнем международном турнире В. Ларсена в памяти не только у датчан.

Предлагем вниманию читателей несколько творческих примеров на практике победителей второй четверки гротескостепропретендентов М. Таль и В. Ларсена.

Позиция, которую вы видите на диаграмме, возникла после 18 ходов в партии турнира претендентов 1959 года между М. Талем и юным американским чемпионом Р. Фишером.

(Диаграмма № 1)

Таль, играющий белым, смело помертвовал две пешки, стремительно наступлением сновал неприятельские силы и зановал победу. Вот как это произошло.

11. f4 e2 20. Фf4 de 21. Cd3 cb 22. Lael Фf6 23. Leel Фe3 24. Cf5 + Rf7 25. Фf4-Rh8 26. Лf6 Фf6 27. Leel Rg6 28. Фf6 + Фf6 29. Лf6 Kр7 30. Leel Rg7 31. Lae3 Лg 32. R4 Лb6 33. Kc4 b5 34. Ke5. Черные сдались.

Занимается финал разрабатываемой, партии матча В. Ларсена с В. Ивко-

вым, с полетом проведенный датским гротескостепро.

На диаграмме перед нами положение после 12-го хода белых, которые при этом не забыли захватить инициативу. Неомандалманьером играющий черными, напал на обих негрительных слонов. Зато он точно рассчитанным комбинационным ударом за помертвованного ферзя получил две ладьи и слона. Это есть, более чем достаточно

(Диаграмма № 2)

Был сыграно: 12. Фa4 13. Cf4 a5 14. Cf3 Фb5 15. R4 b1 16. R4 + Le1 + 17. Крe2 Лh1 18. cb 0-0 19. Фf4 e5 20. R4 c6 21. Cf7 Л1 cс4 22. R4 e6 fe 23. Фe7 Лg2 24. Cf3 Cf6 25. Фf7 Rg6 26. R4e2 Cf4 27. R3 Лa2 + Белые сдались.

ВЗГЛЯНИ И РЕШИ

Могут ли черные уйти от поражения?

СТЕКАЛО В ПОЛЕ

Не так давно в штате Коннектикут рабочие строили студию и забрызгали средой пола огромную стеклянную стену. Над полом быстро летел щегол, наткнувшись на стеклянную стену и свалился на землю без сознания. Придя в себя, он поспешил в птичий клуб, где ему перевязали голову и дали хлебнуть горючительного.

Через неделю, что случилось? — спросила чайна.

Летел я через луг, и вдруг передо мной затвердела воздушная стена.

Чайна, истреб и орел весьма рассмеялись, а чайна выслушала его серьезно.

Вот уже пятнадцать лет, с птенчьего возраста, и здесь летало — сказал орел — но уверяю вас, никогда передо мной не затвердела воздушная стена.

Может быть, тебе ударило градом? — предположил истребитель.

А припадению у тебя никогда не было? — поинтересовалась чайна.

— Что ты думаешь, ласточка?

— Я думаю, что воздух мог перед нами затвердеть. А большие птицы снова так громко захлопотали, что щегол рассердился и сказал, что он готов поспорить с ними на дюжину червонцев, что они не смогут перелететь поле там, где летел он, без того, чтобы не наткнуться на затвердевший воздух.

И они поспорили. Все, кроме ласточки, которая оставалась в стороне. Щегол показал, где он летел, а чайна, орел и истреб решили отправиться в луге все вместе.

— Давай и ты с нами, — сказали они ласточке.

— Да нет, спасибо!... Не хочется что-то, — сказала ласточка.

И вот три большие птицы поднялись в воздух, а потом они свалились с стекла лани и без сознания упали на землю.

МОРАЛЬ: НЕРЕШИТЕЛЬ-

НОСТЬ ИНОГДА СПАСИТЕЛЬНА.

КАК МЕДВЕДЬ ИСПРАВИЛСЯ

Однажды в лесах Дальнего Запада нем бурый медведь, который мог выпить, а мог и не пить. Обычно он ходил в бар, который продавал медовуху, и выпивал не больше двух кружек. А потом он выиграл деньги на стойку и говорил:

И вот увидишь, эти, за стену, опять наберутся.

И шел домой. Но через некоторое время медведь пристрелялся и выпил и начал пить беспорядочно целыми днями. Поздно ночью он приползал на ветвистых дровах, опирающийся на локти, и выставлял локти оконные стекла. Потом он приползал на пол засыпая. И вот его была в отчаянии, а дети унасно пугались.

Известным трезвенником и неутраченным проповедником медведь держался. Всея, что приходило к нему в гости, он рассказывал о страшном вреде алкоголя и хвалился тем, что с тех пор, как он бросил пить, он стал очень сильным и очень здоровым. В подтверждение своего слов он вставал на голову и на руки и тут же в комнате двоялся и крутил колесо от трактора, причем опять опирающийся стойкой для зонтов, свивал на пол нераскрытую лампу и выставлял локти оконные стекла. Потом, до изнеможения устав от этих богатырских упражнений, он падал на пол и засыпал. И вот его была в отчаянии, а дети пугались.

МОРАЛЬ: МОЖНО УПАСТЬ НЕ ТОЛЬКО ЛИЦОМ ВНИЗ, НО И ЗАТЯНУЛОМ НАЗАД. ЕСЛИ ЧЕРЕСЧУР ПЕРЕГНУТЬСЯ.

Перевел с английского И. КОВАЛЕВ

и Грозного и всю нефтяную промышленность в районах Майкопа и Эмбы. Два трети иностранного капитала, вложенного в кавказскую нефтяную промышленность, принадлежали до войны этой корпорации. «Наполеон нефтяной» мечтал не только вернуть потерянное, но и даже приумножить свои богатства, став покровителем хозяйки кавказского черного золота. Он был настолько уверен в скором падении Советской власти, что в 1920 году купил у сбывавших во Францию крупных русских предпринимателей Лангасова и Мануйлова кавказские нефтяные акции, выложив за это 250 тысяч фунтов стерлингов. После этого он заявил, что 60 процентов кавказских нефтяных месторождений юридически принадлежат ему, и потребовал от Советского правительства возращения своей «собственности». Получив отказ, сэр Генри попросился, что кавказская нефть все равно будет у него в кармане. С этого дня его устная воля в пригороде Гаги стала тайным центром, откуда во все концы потянулись невидимые нити антисоветских заговоров.

После «парисской» конференции в качестве «гостя» он встречался на частных квартирах, уточняя детали будущей операции. В Гаге на одном из таких вечеров присутствовал сам Генри Детердинг. Идея подорвать советскую экономику путем изготовления и контрабанды фальшивых червонцев возникла у Детердинга давно, но к непосредственному его осуществлению заговорщики приступили лишь после очередной «конференции», состоявшейся в июне 1926 года в Лондоне.

10 июня 1926 года Детердинг опубликовал в английских газетах заметку, где он предлагал скорую встречу фирме на Советском Союзе; а через несколько месяцев фальшивые червонцы уже массами начали сходиться с печатных станков юнженской типографии Шнейдера. Буферный пушечный завод Советского Союза, участвовавший в изготовлении, и германской валютной системе; преступники меняли фальшивые советские червонцы на немецкие марки. Только поэтому полиция и выследила бы вмешавшись в операцию «Детердинг».

Видя, что процесс предвратит не удастся, заговорщики всячески пытались оторвать его или хотя бы направить по выгодному для них руслу. В результате организаторы и испол-

ные виновные остались в тени. Были пушены в ход всевозможные обвинения, чтобы добиться оправдания обвиняемых. На пути от Берлина в Москву несомненно исчезли все материалы следствия. За четыре дня до начала процесса был увеличен прокурор.

Суд над фальшивомонетчиками вылился в настоящий скандал: все подсудимые были оправданы ввиду того, что их действия якобы объяснялись политическими мотивами. Это был провокационный акт по отношению к Советскому Союзу. Своими приговорами суд оправдал таким образом любое антисоветское преступление. Газета «Правда» писала в те дни, что германские официальные круги перешли на позицию открытой вражды к СССР.

Мировой экономический кризис 1929 года заставил германское правительство пересмотреть свое отношение к СССР. Советской Союзу ставили Германию ее последней надеждой: западные рынки сбыта отдали за другим заключались перед немецкой промышленной продукцией. Тогда пришлось пересмотреть и дело о фальшивомонетничестве. Оговорочный процесс, состоявшийся летом 1930 года, Карумидзе приговорили к 2 годам лишения свободы, а Детердинг к 10 месяцам, а Задатришвили — к 2 годам тюрьмы. Белл, который занимался непосредственным обменом фальшивых денег на валюту, был приговорен к уплате небольшого штрафа. Впрочем, Задатришвили был затчен курс предвратительного заключения, и он покинул зал суда свободным — «спросованным борцом» против Советской власти. Приговор Карумидзе значился только на бумаге: сам подсудимый проспонсирован в Швейцарии, где на его счету числится двести тысяч долларов. Остальных вообще не тронули. После прихода к власти фашистской клики осужденных полностью реабилитировали. Карумидзе и Задатришвили с почестями вернулись в третий рейх, продолжали служить уже новым государством.

Белл слишком хорошо был знаком с личной жизнью гаварей нацистской партии, и это решило его судьбу. 5 апреля 1933 года он был застрелен в третий рейх, продолжал служить уже новым государством.

Ф. РУМЯНЦЕВ

ИГРАЕТ ИГОРЬ ПЛАТОНОВ

Кто знал Игоря Платонова как шахматиста года полтора назад? Почти никто. Два недавних турнира — и молодой юнистский шахматист выдвинулся в ряды лучших шахматистов мастеров. Платонов — чемпион «Смелых» раздобыл финальную часть партии, выигранную молодым спартакивцем Игорем Платоновым. Шахматиста приглашали — гротескистом Марка Тайванова на Всесоюзном чемпионате профсоюзов.

В этом положении 18-х лет Платонова, играющего черными. Он искусно пользуется неудачным маневром гамма-батарей. Из белых выиграл 20. К12 тоже выигранным качеством) СР1 21. Фб3 С:e2 22. Ф:e2 С13. 23. 25. 26. 27. 28. Кв6 Фв8 27. Кв8 d4 28. Кf4 d3, и белые сдались.

Игра закончилась так: 18...С:e5 19. Л:e5 Кв4 20. Лс2 (на входе отступился) 21. Фb3 С:e2 22. Ф:e2 С13. 23. 25. 26. 27. 28. Кв6 Фв8 27. Кв8 d4 28. Кf4 d3, и белые сдались.

думают, уже было некогда. Он вынужден был молниеносно переставлять свои фигуры, так как оставались минуты до падения последнего контрольного флажка. Не удивительно, что в одной из турниров Земли из двести партий проиграл пять... изза просерочия времени!

Заядлый центнок
Непримиримым противником шахматных часов зарекомендовал себя знаменитый немецкий шахматист гротескиста Эдмунда Зенкича. Неудачно случалось, что он глубоко задумывался над... перемывал мозги. Зато последние перед контролем времени... 10-15 ходов гротескиста об-

НА КОНКУРСЕ ПАРКМАХЕРОВ.

М.

— НА КАКУЮ КНОПКУ
ТЫ НАЖАЛ?

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

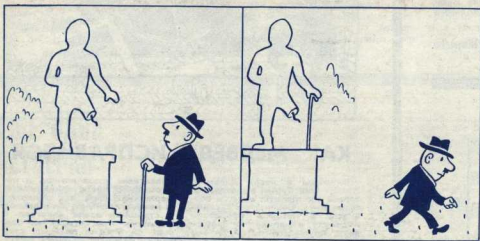

Рисунки А. НЕКРАСОВА

СУФЛЕР.

Рисунок О. КАНДУРОВА

БЕЗ СЛОВ.

Рисунок Ф. ДАРВИНЯНА

— А НЕТ ЛИ У ВАС ГРУППЫ
ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ?

Рисунок
Л. МОРОЗОВОЙ
и А. ОРЛОВА

Первая страница обложки — фото В. ГИЛПЕНРЕЙТЕРА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок — Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 1-32-64; отдела очерков и публицистики — Д 3-31-03; международной жизни — Д 3-31-59; физкультуры и спорта — Д 3-30-97; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-66; студенческой молодежи — Д 0-40-96; информации — Д 3-31-69; оформления — Д 0-29-39.

Главный редактор В. И. Самехин.

Редколлегия: К. К. Андреев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, К. Н. Замоскин, Р. Ф. Казанова, Б. П. Краевский [ответственный секретарь], А. С. Кулинов, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стунов [главный художник].

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор Н. Будкина.

А 02387.

Тираж 900 000.

Заказ 2168.

Подписано и печати 4/IX 1965 г.

Изд. № 1710.

Формат бумаги 70 × 108/16.

2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

САМЫЙ, САМАЯ, САМОЕ

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ЗАКРЫТЫЙ СТАДИОН открылся в 1962 году в городе Хьюстон (США), штат Техас. Он предназначен для игры в американский футбол и бейсбол. Маршрутный диаметр этого стадиона — 217 метров, высота купола — 61,6 метра, длина пролета — 195,7 метра. Стадион рассчитан на 50 тысяч зрителей. Кроме того, предусмотрено около 10 тысяч дополнительных мест, установленных на реках.

САМЫЙ СТАДИОН находится в Греции, на берегу Афины. Именно там в древности проводились Олимпийские игры. Подготовку к ним требующую площадку буржуазии со всех сторон насаживали валы, на которых располагалось до 25 тысяч зрителей. Чтобы участники и зрители не страдали от жары, вдоль беговой дорожки был проведен канал с питьевой водой. Около ста лет ученые-археологи ведут здесь раскопки. Стадион, расположенный на высоте около 4 500 метров над уровнем океана, так и не обнаруживается в таню время, в наем он существовал более двух с половиной тысячелетий тому назад.

САМЫЙ ВЫСОТЫЙ СТАДИОН действует в Боливии (Южная Америка) на руднике «Насанда», расположенном на высоте около 4 500 метров над уровнем океана. На руднике живут, работают и играют в футбол несколько сот рабочих. Боэны считают вытнный футбол очень полезным.

САМЫЙ ВЫСОКОГОРНЫЙ СПОРТИВНЫЙ ОТЕЛЬ — «Припидан», расположенный на высоте 6 000 метров, так называется гостиница, построенная на высоте 6 000 метров над уровнем моря на подступах к вершине Эльбруса (Кавказско-Балканская АССР).

САМЫЙ РОСЛЫЙ СПОРТСМЕН в мире считался долгое время советский баскетболист Ян Курманши — 2 метра 18 сантиметров. Одно это великан кажется невысоким по сравнению с американской баскетболисткой Долорес Лудлер. В 1961 году ей исполнилось 18 лет, она переросла... 2 метра 50 сантиметров!

САМЫЕ СТАРЫЕ СПОРТСМЕН мира — чемпионы Олимпийских игр 1908 года англичанин Дино Диннин. В 1963 году он победил в гандикапе Соррексского атлетического клуба, пробежав дистанцию в 5 миль за 18 минут 39 секунд. Диннин — опередил соперника на... 4 минуты!

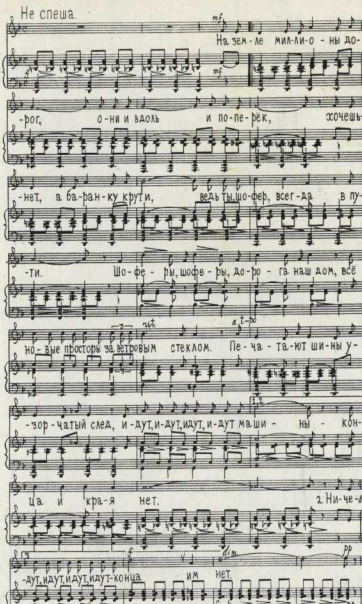
После финиша 84-летний ветеран сполна сказал: — Этот результат лучше, чем тот, который я достиг, когда мне было 30 лет. А Томас Бринсон (инженер острове Мен в Иргландском море) — старейший альпинист. Когда Бринсон было 80 лет, каждый день поднимался на самую высокую гору своего острова. В 1960 году, когда за плечами Бринсона остались целые столетия, он, совершив очередную поделку, признался в том, что немного запыхался.

САМОЯ ЮНОМ ЧЕМПИОНОМ в истории советского спорта была московская школьница 13-летняя Гаян Лихарева. В 1954 году она одержала победу на Всесоюзных соревнованиях по бегу на короткую дистанцию на коньках.

САМЫЕ БЫСТРЫЕ ЧЕЛОВЕК в мире считают американца Роберта Хэйеса. В 1963 году Хэйес пробежал 100 ярдов за время, равное 9,9 секунды на стометровой дистанции. На Олимпиаде в Токио Хэйес показал лучший результат — 10 секунду ровно.

Интересно, что в начале XX века самым быстрым человеком на земле был Томас Берн. В 1901 году Берн установил рекорд в беге на 100 метров со временем 12 секунд.

А. СКАЧИНСКИЙ

ДОРОГА — НАШ ДОМ

Слова Зины ПЕТРОВОЙ

Музыка Нины ИЛЛЮТОВИЧ

На земле миллионы дорог,
Они и воль и поперек.
Кочешь, нет, а барану крути,
Ведь ты, шофер, всегда в пути.

Припе:

Шоферы, шоферы,
Дорога — наш дом,
Все новые просторы
За ветровым стеклом.
Печатают шины
Узорчатый след.
Маут, маут, маут, маут машины,
Конца и края нет.

Ничего, что дороги у нас
Не на Луну и не на Марс,
Километры и в холод и в зной
Могам мы на шар земной.

Припе.

Нго хоть раз нажмем на стартер,
Тот всегда душой шофер.
Ни уютон, ни сном без трево
Не замкнеть ему догор.

Припе:

Шоферы, шоферы,
Дорога — наш дом,
Все новые просторы
За ветровым стеклом.
Печатают шины
Узорчатый след.
Маут, маут, маут, маут машины,
Конца и края нет.

К Р О С С В О Р Д

Составил А. ИВАШИН,
г. Наумовское, Омской обл.

По горизонтали:

- Советский физик, лауреат Нобелевской премии.
- Ступин планетки Кошгер.
- Рета в Красноярском крае.
- Радиотехнический музей.
- Порт-революционер, национальный герой боливийского народа.
- Город на севере Индии.
- Зональные совхозы.
- Композитор, автор оперы «Искатели жемчуга».
- Литовский советский поэт.

- Хищное животное.
- Столица европейского государства.
- Работник, награжденный за отличие.
- Литературный жанр.
- Способ метод.
- Струнный инструмент народов Азии.
- Выходящее ягодное растение.
- Советский тяжелоатлет, неоднократный чемпион мира и Олимпийский игрок.

По вертикали:

- Опера Н. Шумана.
- Советский математик, академик, лауреат Ленинской премии.
- Приморский город, гавань.
- Спортивный инвентарь акваладиста.
- Цитрусовое дерево.
- Картина И. Е. Репина.
- Русский поэт и ученый XIX в.
- Итальянский композитор.
- Автор поэмы

- Дума по Опанасу.
- Еда на заметное различие от тенок.
- Предмет столового сервиза.
- Советский живописец и режиссер.
- Овиек алюминия.
- Электронная лампа.
- Земельная плетина.
- Заранее намеченное осуществление программы.
- Советский график, автор сатирических плакатов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫ В № 17

По горизонтали:

- Ларин.
- Егерь.
- Гайдар.
- Ю. Аким.
- Филин.
- «Савино».
- Исповед.
- Сидорова.
- Астасия.
- Пантон.
- Ваншенян.
- «Назияно».
- «Росдавец».
- Синдичета.
- Нигер.
- 33.
- Редост.
- 35.
- Карлово.
- 36.
- Антрацит.
- 37.
- Палех.
- 39.
- Иванов.
- 40.
- Рихтер.
- 41.
- Аргист.
- 42.
- Кочевник.
- 43.
- Оклет.

По вертикали:

- Алдан.
- 2.
- Прудин.
- 3.
- Гидроплан.
- 4.
- Гераклион.
- 5.
- Медана.
- 6.
- Льюис.
- 9.
- Гарлорн.
- 11.
- Навага.
- 13.
- Аскра.
- 15.
- 16.
- Отмена.
- 20.
- «Солдато».
- 21.
- Пемон.
- 22.
- Найро.
- 26.
- Олема.
- 27.
- Ласнер.
- 38.
- Викторина.
- 29.
- Сепатор.
- 30.
- Талант.
- 31.
- Ковна.
- 34.
- Татина.
- 35.
- Каттага.
- 36.
- Хижки.
- 39.
- Исет.

Сразимся?

Давненько не брал я в руки шашек.

ОБЪЕКТИВ ФОТО-
АППАРАТА МИРО-
СЛАВА МУРАЗОВА
ЗАГЛЯНУЛ ЗА КУЛИ-
СЫ ЕРЕВАНСКОГО
ЦИРКА НЕЗАДОЛГО
ДО НАЧАЛА ПРЕД-
СТАВЛЕНИЯ. ВОТ КАК
КОРОТАЛИ СВОБОД-
НЫЕ МИНУТЫ ПЕРЕД
ВЫХОДОМ НА МА-
НЕЖ ЗАСЛУЖЕННЫЙ
АРТИСТ АРМЯНСКОЙ
ССР СТЕПАН ИСАА-
КЯН И ЕГО ВОСПИ-
ТАННИЦА — ЦИРК-
ОВАЯ «ЗВЕЗДА» РИККИ.

Этот ход ему дорого обойдется.

Победитель великодушен.

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820